

Глава первая.

Первая должность фабричнаго инспектора.—Е. Н. Андреевъ—первый Главный Инспекторъ.—Поѣздка въ Петербургъ и знакомство съ Н. Х. Бунге, Н. А. Ермаковымъ и А. Г. Неболсинымъ.—Утвержденіе 30-го августа 1882 г. въ должности.—Первые осмотры фабрикъ и первыя впечатлѣнія.—Скорая отставка Е. Н. Андреева.—Новый Главный Инспекторъ—Я. Т. Михайловскій.—Мой первый отчетъ: «Фабричный бытъ Московской губерніи» и главные его выводы.—Отсутствіе «Правилъ для фабрикантовъ» и «Инструкціи инспекторамъ».—Практическія послѣдствія отсюда и переписка съ Главнымъ Инспекторомъ Я. Т. Михайловскимъ.—Недостатокъ объединенія въ толкованіи закона

Лѣто 1882 года я проводилъ на дачѣ въ Соколовѣ (близъ станціи Химки, по Николаевской жел. дорогѣ, подъ Москвой)—мѣстечкѣ, извѣстномъ своей живописностью настолько, что, если не ошибаюсь, остроумный П. Д. Боборыкинъ удачно назвалъ когда-то Соколово «маленькій Московскій Шварцвальдъ»! Въ немъ нѣкогда проживали лѣтомъ, по преданію, Бѣлинскій, Грановскій и Герценъ; послѣдній не разъ даже упоминаетъ въ своихъ произведеніяхъ о Соколовѣ, которое принадлежало тогда генералу Дивову. Въ то время, когда я начинаю свой рассказъ, оно перешло, какъ и все въ Москвѣ, уже въ купеческія руки и принадлежало фабрикантамъ Мазуринымъ. Съ товарищемъ моимъ по профессорству въ Московскомъ Университетѣ А. И. Чупровымъ мы отыскали этотъ прелестный уголокъ, облюбовали его и, не смотря на относительную дороговизну тамошнихъ дачъ для профессорскаго кармана, мы провели въ Соколовѣ нѣсколько лѣтъ и побивнули, кажется, только вслѣдствіе ломки старыхъ домовъ. Я помѣщался въ маленькомъ деревянномъ флигелѣ, занимаемомъ когда-то, по преданію, Бѣлинскимъ, а потомъ Гранов-

скимъ, а Чупровъ жилъ въ большомъ каменномъ домѣ, въ бывшее время обитаемомъ Герценомъ. Тѣни великихъ покойниковъ, такъ сказать, витали между нами и составляли нерѣдкую тему бесѣдъ и разговоровъ въ Соколовѣ. Третью своеобразную особенность Соколова составлялъ его сельскій священникъ, придумавшій оригинальное занятіе: онъ держалъ нахлѣбниковъ иностранцевъ, кажется, преимущественно англичанъ, для практики въ русскомъ языкѣ, а потому онъ былъ хорошо извѣстенъ многимъ иностранцамъ; у него, между прочимъ, проживалъ однажды извѣстный Макэнзи Уолласъ—авторъ крупнаго сочиненія о Россіи.

25 Іюня 1882 года вечеромъ я получилъ почтой, какъ оказалось впоследствии, крайне важное для меня письмо съадресомъ, написаннымъ незнакомой мнѣ рукой. Какъ выяснилось, письмо это было отъ давно нынѣ умершаго Е. Н. Андреева. Мнѣ извѣстно было заочно о его дѣятельности по кустарному производству и о принадлежности его по службѣ къ Министерству Финансовъ. Въ качествѣ именно служащаго по этому министерству я его видѣлъ однажды, за нѣсколько лѣтъ до этого, за обѣдомъ у М. А. Саблина, который, во время разъѣздовъ по Россіи тогдашняго министра Грейга, угощалъ у себя его ученую свиту и, между прочимъ, я помню Е. Н. Андреева, Д. А. Тимирязева и многихъ другихъ; больше этого раза я Андреева не видалъ. Въ упомянутомъ письмѣ 25 Іюня, носившемъ на конвертѣ обозначеніе «весьма нужное» и написанномъ дѣловымъ тономъ, Е. Н. А. даетъ сначала объясненіе повода къ нему, что онъ сегодня-де только пріѣхалъ въ Москву, а уже былъ у меня на моей московской квартирѣ и не могъ, къ сожалѣнію, отъ прислуги точно узнать, когда я бываю въ городѣ, почему и рѣшился обратиться ко мнѣ съ письмомъ: «Весьма желалъ бы»,—пишетъ онъ,—«познакомиться съ Вами» (собственно, какъ было объяснено выше, мы уже были нѣсколько знакомы) «и поговорить съ Вами объ участіи, которое, можетъ быть, Вамъ угодно бы было принять въ проведеніи въ дѣло закона о работѣ малолѣтнихъ. Такъ какъ мнѣ, повидимому, имѣется въ виду поручить организацію надзора, то я желалъ бы очень пріобрѣсти Ваше сотрудничество, на что очень

согласенъ и Г. Министръ Финансовъ». Далѣе г. Андреевъ сообщалъ адресъ гостинницы, гдѣ остановился, но предпочиталъ бы встрѣтиться за завтракомъ въ 1 ч. дня на Промышленной Выставкѣ, въ то время происходившей въ Москвѣ, на которой онъ былъ ежедневно занятъ по кустарному отдѣлу. Въ заключеніе письма, видимо сомнѣваясь, насколько я отнесусь къ нему серьезно и буду исправенъ, Е. Н. А. счелъ нужнымъ сдѣлать такое воззваніе: «Прошу Васъ обратить Ваше вниманіе на мое приглашеніе и не оставить меня отвѣтомъ»...

Таковъ былъ первый шагъ, сдѣланный для привлеченія меня къ фабричной инспекціи, который хотя и доставилъ мнѣ нѣсколько моментовъ нравственнаго удовольствія, но принесъ впоследствии много тревогъ, огорченій и разочарованій. Прежде всего мнѣ слѣдовало рѣшить — согласиться ли на предложеніе г. Андреева и явиться для бесѣды съ нимъ, или отклонить ее, въ виду неопредѣленности его собственнаго официальнаго къ дѣлу отношенія («повидимому, имѣется въ виду»)? Съ другой стороны, всей душой заинтересованный судьбой и положеніемъ малолѣтнихъ рабочихъ, я только что написалъ рядъ большихъ статей по этому вопросу («Дѣтскій и женскій фабричный трудъ»), имѣвшихъ большой успѣхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» Салтыкова, а «Саблинская» Коммиссія напечатала большой томъ моего перевода англійскихъ фабричныхъ законовъ по этому поводу съ комментаріями, и даже Н. К. Михайловскій счелъ возможнымъ посвятить моему труду сочувственную рецензію.... Наконецъ, я подозрѣвалъ, что «Г. Министръ Финансовъ» не только «очень согласенъ» на мое сотрудничество, какъ писалъ г. Андреевъ, а является даже, можетъ быть, главнымъ инициаторомъ моего приглашенія въ инспектора, какъ и подтвердилось впоследствии... Послѣ всѣхъ этихъ размышленій мои колебанія окончились, и я написалъ Андрееву, что черезъ день явлюсь на Выставку въ ресторанъ для свиданія и бесѣды съ нимъ.

Свиданіе съ Андреевымъ произошло въ назначенное время на Выставкѣ и продолжалось болѣе двухъ часовъ. Я тотчасъ узналъ его и подошелъ самъ къ нему, никого не спраши-

Министръ

вая; но съ моей стороны повадилось назвать имя: очевидно, онъ не сохранилъ яснаго обо мнѣ воспоминанія. По первымъ же словамъ Евгенія Николаевича я убѣдился, что дѣло, о которомъ онъ желалъ со мной видѣться и говорить, въ дѣйствительности болѣе подвинулось, нежели онъ счелъ нужнымъ о томъ писать. Законъ о работѣ малолѣтнихъ уже въ Государственномъ Совѣтѣ, — сообщилъ онъ мнѣ, — и, вѣроятно, рѣшенъ уже въ утвердительномъ смыслѣ: самъ онъ, Андреевъ, не только былъ и говорилъ нѣсколько разъ объ этомъ съ Н. Х. Бунге, но его назначенію въ главные фабричные инспектора уже данъ законный ходъ, и онъ рассчитываетъ въ теченіе мѣсяца получить утвержденіе въ должности. Теперь идетъ рѣчь о его помощникахъ — окружныхъ инспекторахъ; на первый разъ де правительство рѣшилось ограничиться введеніемъ закона о малолѣтнихъ и учрежденіемъ инспекторовъ лишь въ четырехъ пунктахъ Россіи, именно: округъ Петербургскомъ, Московскомъ, Владимірскомъ, Варшавскомъ, при чемъ каждый округъ заключалъ въ себѣ по нѣсколько губерній; такъ, въ Московскій входило 6 центральныхъ губерній (Московская, Тверская, Калужская, Тульская, Рязанская и Смоленская). Онъ мнѣ первому де предлагаетъ важнѣйшій, по его словамъ, округъ по его значенію — Московскій... Ему хорошо извѣстны мои знанія и мои печатныя работы по закону о малолѣтнихъ, почему онъ и желаетъ, такъ же, какъ и Министръ, притануть меня къ дѣлу, какъ лицо свѣдущее*). Предполагается, — сообщилъ онъ, — что законъ вступить въ силу лишь черезъ годъ, а потому первый годъ долженъ быть мною посвященъ собственно ознакомленію съ обширнымъ фабричнымъ округомъ и приготовленію себя къ обязанности инспектора, а промышленниковъ — къ исполненію получающаго скорую

---

*) Въ описываемое время, т. е. до середины 1882 года, были напечатаны, насколько помнится, мои слѣдующія работы по рабочему вопросу: во-первыхъ, рядъ статей въ «Отечественныхъ Запискахъ»: «Женскій и дѣтскій фабричный трудъ въ Англіи и Россіи» и пр.; во-вторыхъ, въ Трудахъ Коммиссіи Князя В. А. Долгорукова переводъ съ предисловіемъ и толкованіями «Англійскихъ фабричныхъ законовъ»; въ-третьихъ, «Отвѣтственность хозяевъ за несчастія съ рабочими» (по англійскому и швейцарскому законодательству) и, въ-четвертыхъ, — изслѣдованіе о фабричной инспекціи въ Англіи и Швейцаріи.

силу закона. Что касается до другихъ округовъ, то уже нѣкоторыя лица для нихъ намѣчены, и онъ, сверхъ того, попросить и меня, можетъ быть, рекомендовать подходящихъ и пригодныхъ людей (Я ему указалъ, дѣйствительно, и познакомилъ его въ скоромъ времени съ д-ромъ Песковымъ, котораго онъ пригласилъ въ инспектора Владимірскаго округа). Далѣе Е. Н. А. сообщилъ мнѣ разныя подробности о предлагаемомъ мѣстѣ и притомъ въ очень общихъ чертахъ какъ объ обязанностяхъ, такъ и содержаніи, объ отношеніи къ нему, какъ къ ближайшему начальнику, къ Департаменту и пр. Очевидно, ничего по этой части еще не было выработано и пребывало въ предположеніяхъ. Изъ моихъ разспросовъ Евгенія Николаевича для меня выяснилось, что хотя онъ, какъ техникъ, съ фабриками навѣрное знакомъ съ технической стороны, какъ онъ точно также, вѣроятно, знакомъ и съ кустарными промыслами, но съ положеніемъ собственно вопроса о работѣ малолѣтнихъ и фабричнаго законодательства вообще онъ знакомъ, въ сущности, очень мало какъ съ юридической, такъ и съ экономической стороны и, какъ выразился откровенно самъ, онъ надѣется въ этомъ отношеніи именно на мою помощь и содѣйствіе.

Въ концѣ нашей бесѣды я пришелъ къ заключенію, что вижу въ лицѣ Е. Н. Андреева чловѣка несомнѣнно умнаго, дѣльнаго и съ разнообразными свѣдѣніями, хотя можетъ быть, не тѣми, которыя именно понадобятся для даннаго дѣла. Но въ то же время я увидѣлъ у него на основаніи первой бесѣды одинъ недостатокъ, съ которымъ приходилось въ будущемъ нелегко справляться въ частыхъ съ нимъ отношеніяхъ: Е. Н. былъ упрямъ и своенравенъ и если онъ за какую-нибудь идею держался крѣпко, то его нельзя было ничѣмъ переубѣдить.

Такъ напр., въ первомъ же разговорѣ онъ выдвинулъ самъ на видъ, что онъ въ широкомъ смыслѣ фритредеръ и противникъ всякой покровительственной политики и, повидимому, былъ нѣсколько неприятно удивленъ, что я съ нимъ не вполне согласился и даже считалъ самую должность фабричнаго инспектора за плодъ покровительственной системы; вполнѣдствіи онъ нѣсколько разъ возвращался на эту тему,

какъ бы желая обратить меня въ свою вѣру, что было нѣсколько страннымъ въ виду моей профессіи (доктора финансового права и профессора), давшей мнѣ больше свѣдѣній по этому предмету, нежели онъ ихъ имѣлъ.

Сообщивши все, что считалъ нужнымъ, Е. Н. требовалъ отъ меня скорого отвѣта на сдѣланное предложеніе, по возможности въ теченіе нѣсколькихъ дней. Мнѣ предстояло взвѣсить, слѣдовательно, всѣ доводы pro и contra по взятію на себя новыхъ обязанностей по должности фабричнаго инспектора. Нечего и объяснять, что всю свою жизнь, какъ экономистъ, я съ жаромъ занимался и интересовался рабочимъ вопросомъ и предложеніе это открывало мнѣ этотъ міръ въ практическомъ его значеніи и давало возможность мнѣ заниматься рабочимъ вопросомъ не по книжкамъ, или съ чужихъ словъ, а по личнымъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ. Обязанности инспектора представлялись мнѣ до извѣстной степени идеальными, къ которымъ непримѣнимы напр. обыкновенныя мѣрки или шаблоны должностей — размѣръ вознагражденія или пріятность службы. Инспекторъ по роду своихъ занятій призванъ быть какъ-бы посредникомъ между рабочимъ и хозяиномъ и, насколько возможно при безпристрастномъ исполненіи долга, заботится объ интересахъ рабочихъ и помогаетъ имъ всѣми законными способами... Съ другой стороны охлаждающее дѣйствіе на меня до нѣкоторой степени произвела бесѣда съ Андреевымъ: я убѣдился, что хотя онъ долженъ быть и хорошій и умный человѣкъ, но съ самимъ фабрично-инспекторскимъ дѣломъ незнакомъ, а потому мнѣ придется не только взять на себя очень много труда, котораго я, какъ молодой, здоровый человѣкъ не боялся, но и испытать много непріятностей благодаря его видимому упрямству, что, къ сожалѣнію скоро подтвердилось. Вопросъ объ увеличенномъ содержаніи, благодаря принятію этой новой должности, который Андреевъ нѣсколько разъ подчеркивалъ при своемъ предложеніи, не игралъ для меня существенной роли, во-первыхъ, потому, что, кромѣ профессорскаго жалованья, я зарабатывалъ много въ это время журнальной работой въ „Отечественныхъ Запискахъ“, „Словѣ“, „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и проч. и,

во-вторыхъ, ожидалось скорое увеличеніе содержанія профессоровъ, что совершилось дѣйствительно въ 1884 году, къ сожалѣнію, въ формѣ гонорара.

Обсудивши такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ и взвѣсивши по Франклиновски доводы pro и contra, я рѣшилъ принять предложеніе Андреева и занять должность фабричнаго инспектора; на случай же неудачи, если по тѣмъ или другимъ причинамъ, предполагаемымъ или неожиданнымъ, придется скоро отказаться отъ новой должности инспектора, то отнюдь во всякомъ случаѣ „не сжигать кораблей“, т. е. не переставать работать какъ прежде въ университетѣ въ качествѣ профессора и, посоветовавшись съ женой, рѣшилъ, не смотря на усиленное содержаніе, не мѣнять квартиры, довольно тѣсной, и вообще не расширять вкусовъ и потребностей, чтобы, въ случаѣ чего, оставаться независимымъ... Я написалъ затѣмъ немедленно Андрееву о своемъ согласіи принять его предложеніе и, насколько помню, мотивировалъ согласіе именно желаніемъ и возможностью познакомиться практически съ фабрично-заводскимъ бытомъ въ Россіи и помочь дѣлу симпатичнаго мнѣ закона.

Недѣли черезъ двѣ Е. Н. Андреевъ уѣхалъ въ Петербургъ и за это время мы съ нимъ нѣсколько разъ видѣлись и болѣе познакомились; мнѣ пришлось ему, къ сожалѣнію, сдѣлать даже одну маленькую непріятность за это время: онъ настойчиво мнѣ предлагалъ сдѣлаться председателемъ на предстоявшемъ вскорѣ кустарномъ съѣздѣ, а я также упорно отказывался, чувствуя себя непригоднымъ для этой обязанности по малому сравнительно знакомству съ кустарнымъ дѣломъ, а, во-вторыхъ, потому что я всегда къ кустарному производству относился довольно сдержанно и скептически, считая его только временно-переходной стадіей промышленности.

30 Іюля, еще живя въ Соколовѣ, я получилъ второе важное письмо изъ Петербурга отъ Е. Н. Андреева, изъ котораго, во-первыхъ, узналъ, что одно его письмо ко мнѣ за это время, очевидно, пропало, до меня не дошло: онъ увѣдомлялъ меня, что онъ уже 23 Іюля утверждень въ должности Главнаго Инспектора и немедленно говорилъ о моемъ

назначеніи и согласіи съ Министромъ Финансовъ и Директоромъ Департамента Н. А. Ермаковымъ. Наканунѣ онъ подалъ официальное обо мнѣ представленіе и теперь я долженъ-де дѣйствовать уже самъ—сдѣлать въ Университетѣ справки, прислать документы и т. п... „и не дурно бы“,— добавляетъ онъ въ концѣ письма—„если бы Вы пріѣхали теперь же въ Петербургъ представиться Министру и познакомиться съ Директоромъ Департамента—это могло бы ускорить ходъ всего дѣла“...

Слѣдуя этому совѣту, на слѣдующей же недѣлѣ я отправился въ Петербургъ и, повидавшись съ Андреевымъ, явился „представиться“ Министру и Директору Департамента. Я въ первый разъ видѣлъ Н. Х. Бунге, котораго хорошо зналъ, конечно, какъ экономиста по его сочиненіямъ. Этотъ маленькій старичекъ съ вдумчивымъ и ласковымъ взглядомъ, съ постоянно спокойною рѣчью, произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе: все, что онъ говорилъ, видимо было искренно и сказано съ убѣжденіемъ, которое внушало невольное довѣріе и уваженіе къ говорившему. Онъ лишняго никогда не говорилъ и не спѣшилъ съ своею рѣчью... Ко мнѣ онъ отнесся какъ профессоръ къ профессору, самое большее, какъ старшій товарищъ къ младшему, мило, добро и участливо спрашивая меня про послѣднія мои работы по финансамъ и о будущихъ предположеніяхъ въ смыслѣ научныхъ занятій,—затѣмъ перешелъ къ рабочему вопросу и благодарилъ меня за то, что я рѣшился принять на себя вновь создаваемое мѣсто фабричнаго инспектора. „Всегда чрезвычайно важень“, сказалъ онъ, „въ каждомъ новомъ учрежденіи первый составъ служащихъ, который, такъ сказать, служить прецедентомъ и образцомъ для будущаго“... „Рабочій вопросъ—важный государственный вопросъ, правильная постановка котораго необходима, поэтому особенно дорого привлеченіе къ дѣлу столь свѣдущихъ людей, какъ Вы“ . . . „мнѣ хорошо извѣстны всѣ Ваши труды по рабочему вопросу, и мы должны просить Вашего извиненія, что“, какъ онъ выразился, „Васъ нѣсколько обобрали по этому предмету“. Въ этомъ шутливомъ замѣчаніи Н. Х. Бунге, очевидно, разумѣлъ представленіе въ Государственный

Совѣтъ и мотивы къ новымъ фабричнымъ законамъ, для которыхъ пользовались матеріаломъ изъ моихъ сочиненій по фабричнымъ вопросамъ и ссылались на нихъ... „Само собою разумѣется“, продолжалъ министръ, „мы не можемъ сдѣлать сразу многого для рабочихъ: надо дѣйствовать осторожно, чтобы не раздражать заинтересованные и предубѣжденные круги, но я убѣжденъ, что постепенно возможно будетъ внести надлежащій порядокъ въ этотъ вопросъ и сдѣлать все, что возможно для его измѣненія къ лучшему“. Въ высшей степени довольный имѣть надъ собою по рабочему вопросу такого главнаго руководителя и притомъ говорившаго со спокойною увѣренностью о будущемъ, я покинулъ кабинетъ Министра, радуясь, что согласился принять свое новое назначеніе.

Директоръ Департамента Торговли и Мануфактуръ, въ то время Николай Андреевичъ Ермаковъ, произвелъ на меня также благоприятное впечатлѣніе, хотя нѣсколько другого рода: онъ не имѣлъ большого образованія и даже не скрывалъ этого, но это не мѣшало ему быть очень умнымъ и практически хорошо свѣдущимъ человѣкомъ во всѣхъ чиновничьихъ путяхъ и дорогахъ. Мнѣ заранѣе о послѣднемъ рассказывалъ мой товарищъ А. И. Чупровъ, который его нѣкогда хорошо зналъ. Онъ принялъ меня отечески-ласково, говоря, что „они“, т. е. Министерство Финансовъ, задумали новое дѣло — заняться судьбою рабочихъ, начиная съ малаго возраста, „а для новаго дѣла“, — добавилъ онъ, — „нужны и новые ученые люди“ и онъ очень де радъ видѣть такихъ у себя на службѣ, тѣмъ болѣе, что и Министръ-де у насъ ученый на службѣ. Поэтому онъ только просить объ одномъ — „заботиться о рабочихъ, но быть осторожнѣе, осторожнѣе“... „Разумѣется“, — добавилъ онъ смѣясь, — „Вы имъ социализмъ проповѣдывать не будете?“... Затѣмъ я тутъ же у Ермакова познакомился и очень сблизился съ начальникомъ фабрично-промышленнаго отдѣленія Александромъ Григорьевичемъ Неболсинымъ, съ которымъ завязалъ тѣсную дружбу, сохраняемую и до сихъ поръ, будучи съ нимъ единомышленникомъ въ воззрѣніяхъ на фабрично-инспекторскую дѣятельность и находя въ немъ больше товарища, нежели начальника.

На другой день я получилъ любезное приглашеніе отъ министра къ нему запросто обѣдать и подобныя приглашенія повторялись въ каждый мой прїѣздъ въ Петербургъ. Кромѣ меня, если я не ошибаюсь, обѣдалъ въ этотъ разъ у Н. Х. также Е. Н. Андреевъ и разговоръ вращался преимущественно вокругъ фабричнаго закона и разныхъ предположеній о его будущемъ...

Вполнѣ довольный своей поѣздкой, я вернулся изъ Петербурга домой, въ Соколово; наиболѣе благопріятныя воспоминанія оставилъ по себѣ Бунге своимъ милымъ, сердечнымъ отношеніемъ какъ ко мнѣ, такъ, въ особенности, къ рабочему вопросу; мнѣ невольно припоминалась чья-то сплетня, что въ юности Н. Х. чуть ли не былъ Сень-Симонистомъ или, по крайней мѣрѣ, наклоненъ къ этой социалистической партіи. Хорошую для перваго свиданія память во мнѣ оставилъ отчасти также и Н. А. Ермаковъ; хотя меня нѣсколько смущало его воззваніе къ осторожности, но я больше приписывалъ его практической мудрости почтеннаго старца, нежели желанію чѣмъ-либо тормозить ходъ фабричнаго законодательства. Увы! скорое же будущее меня, впрочемъ, въ немъ разочаровало и показало въ истинномъ свѣтѣ его практическую мудрость!

Наименѣе всего изъ своей Петербургской поѣздки и новыхъ знакомствъ я былъ доволенъ своимъ ближайшимъ начальствомъ по инспекціи — Е. Н. Андреевымъ. Указанныя мною выше черты его характера — упрямство и самомнѣніе — успѣли для меня выясниться и выступить рѣзко на первый планъ. Въ виду публикации, согласно порядку, въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» закона 1 Іюня того же (1882) года о работѣ и обученіи малолѣтнихъ, который и вызвалъ наше назначеніе, Е. Н. Андреевъ, по образцу какого-то иностраннаго государства въ данномъ случаѣ, рѣшилъ открытъ немедленно же свою дѣятельность, какъ Главнаго фабричнаго инспектора, анкетомъ или опроснымъ изслѣдованіемъ, по особой программѣ, разосланной Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ ко всѣмъ російскимъ фабрикантамъ и заводчикамъ. Онъ хотѣлъ этимъ совершенно ложнымъ и непрактичнымъ у насъ путемъ получить разно-

образныя свѣдѣнія о положеніи малолѣтнихъ на фабрикахъ, нужныя въ цѣляхъ выполненія закона. Разныя лица со всѣхъ сторонъ (въ томъ числѣ и я) старались убѣдить его въ полной безнадежности и бесполезности собиранія въ Россіи этимъ путемъ такихъ свѣдѣній отъ нашихъ невѣжественныхъ, въ большинствѣ совсѣмъ незнакомыхъ съ закономъ и непривыкшихъ къ подобнымъ опросамъ промышленниковъ. Андреевъ упорно настоялъ на своемъ. Департаментъ Торговли и Мануфактуръ напечаталъ и разослалъ многія тысячи этого циркуляра съ вопросными пунктами по всѣмъ концамъ Россіи съ довольно близкимъ, притомъ, срокомъ для отвѣта. Какъ и слѣдовало ожидать, огромное число фабрикантовъ никакого отвѣта не прислало; тѣ же сравнительно немногіе, которые прислали, представили, разумѣется, обычныя данныя, доставляемыя въ полицію, т. е. въ огромномъ большинствѣ случаевъ лишенныя всякой достовѣрности и цѣны. Отчетъ, на основаніи этихъ данныхъ, Андреева изданъ Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ черезъ годъ, уже послѣ его скорой отставки, о которой будетъ рѣчь дальше. Нѣтъ сомнѣнія, довольно значительная сумма казенныхъ денегъ была этимъ путемъ непроизводительно брошена на вѣтеръ.

Другой, еще болѣе опасный шагъ, сдѣланный за это время Е. Н. Андреевымъ, который поправить было нелегко и который, можетъ быть, его отчасти поссорилъ съ Министерствомъ, была попытка предложить, опять-таки противно совѣтамъ многихъ, двухъ кандидатовъ на должность окружныхъ фабричныхъ инспекторовъ Петербургскаго и Варшавскаго округовъ — г. Струевова — старшаго техника при Петербургскомъ градоначальникѣ, и престарѣлаго зоолога Сѣмашко; кандидаты эти для новыхъ фабрично-инспекторскихъ должностей являлись столь неподходящими по многимъ очевиднымъ причинамъ, что первый въ скоромъ времени вышелъ въ отставку, а второй совсѣмъ не былъ назначенъ и даже не ѣздилъ въ Варшаву, на мѣсто своего назначенія.

30 Августа 1882 года всѣ длинныя формальности и справки обо мнѣ (въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, Университетѣ, Департаментѣ Полиціи и пр.) были,

наконецъ, покончены, и я былъ утвержденъ въ должности «Московского Инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ рабочихъ». Въ серединѣ слѣдующаго мѣсяца—Сентября я получилъ въ отношеніи г. Главнаго Инспектора Е. Н. Андреева общія указанія на тѣ обязанности, которыя возлагаются на меня по моей должности фабричнаго инспектора впредь до вступленія въ дѣйствіе закона 1-го Іюня 1882 года. На первомъ планѣ, конечно, стоятъ разныя стороны фабричной жизни въ отношеніи малолѣтнихъ рабочихъ и всестороннее ознакомленіе съ нею. Такъ, инспекторамъ предстоитъ собрать возможно полныя свѣдѣнія, притомъ по разнымъ родамъ промышленности, о числѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ, съ указаніемъ ихъ возраста и процентнаго отношенія къ общему числу работающихъ. Точно также необходимо имѣть точныя свѣдѣнія о времени работы малолѣтнихъ, о часахъ работы и интервалахъ между смѣнами, о степени утомительности для дѣтей работъ разнаго вида и особенно о ночныхъ работахъ, или вредныхъ для здоровья работающихъ. Затѣмъ слѣдуетъ инспекторамъ специально знакомиться со школьнымъ образованіемъ на фабрикахъ для работающихъ и неработающихъ, характеристикой школъ и, если возможно, стоимостью ихъ и указаніемъ тѣхъ путей, коими можетъ удовлетворяться работа закона объ образованіи малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ.

Вторая задача фабричныхъ инспекторовъ, впредь до вступленія закона въ дѣйствіе, должна была состоять въ изученіи и собраніи общихъ свѣдѣній объ условіяхъ труда и положеніи рабочихъ всякаго возраста на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ, а именно: объ условіяхъ найма въ разныхъ производствахъ и занятіяхъ, о заработной платѣ взрослыхъ и малолѣтнихъ, о способѣ продовольствія рабочихъ и специально харчевыхъ лавкахъ, о вентиляціи рабочихъ помѣщеній, огражденіи опасныхъ механизмовъ и вообще санитарной обстановкѣ работы, о жилыхъ помѣщеніяхъ и больницахъ, о вычетахъ, наконецъ, о штрафахъ и существующихъ по этому предмету обычаяхъ на разныхъ фабрикахъ.

Таковы обязанности, которыя возложены были на меня, какъ на фабричнаго инспектора, въ видѣ какъ бы подгото-

вительной школы для будущаго исполненія закона, который, какъ предполагалось сначала, вступить въ дѣйствіе съ 1 Мая 1883 года, но въ дѣйствительности, вслѣдствіе извѣстной медленности нашей государственной колесницы, какъ мы скоро это увидимъ, былъ отсроченъ еще на годъ, т. е. до 1 Мая 1884 года... Но фактически даже и тогда, благодаря отсутствію „Правилъ для фабрикантовъ“ и „Инструкціи инспекторамъ“, мы все еще не могли, какъ слѣдуетъ, работать для цѣлей закона, получая жалованье за одно голое удовлетвореніе любознательности, могущей быть полезною лишь для нашего будущаго, если-бы инспекціей правительство дорожило!...

М

Перехожу къ первымъ осмотрамъ фабрикъ въ качествѣ инспектора и своимъ первымъ впечатлѣніямъ. Само собой разумѣется, и тогда даже московскія фабрики не были для меня совершенной terra incognita: я перечиталъ большую часть того, что о нихъ существовало тогда въ литературѣ; мнѣ были хорошо извѣстны прекрасныя изслѣдованія Московскихъ земскихъ врачей, изъ которыхъ, напр., Эрисмана и Погожева появились раньше моей инспекторской дѣятельности, или во время ея; я много слышалъ о фабрикахъ изъ устной передачи, напр., отъ покойнаго В. И. Орлова и др. земскихъ статистиковъ..., но тѣмъ не менѣе первые шаги для меня сдѣлали очевидными такіе факты изъ фабричной жизни, которые, по чужимъ сообщеніямъ, не производятъ никакого дѣйствія и не оставляютъ глубокаго слѣда. Меня прежде всего поражало на большинствѣ посѣщаемыхъ фабрикъ, и притомъ весьма долго (не менѣе какъ года два), крайнее невѣжество и незнаніе на фабрикахъ о намѣреніяхъ правительства относительно предполагаемаго вмѣшательства въ фабричную жизнь, или объ изданныхъ фабричныхъ законахъ. Я началъ осматривать фабрики лишь въ концѣ Сентября 1882 года, по полученіи открытаго листа, дававшаго мнѣ право входа на фабрики; слѣдовательно, законъ 1 Юнія 1882 г. давно уже былъ опубликованъ, о немъ много писалось въ газетахъ и кое-что говорилось въ журналахъ; для фабрикъ, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ, гдѣ работало много малолѣтнихъ, онъ представлялъ крупный интересъ и, тѣмъ

||

не менѣ, *года два, по крайней мѣрѣ*, на большинствѣ фабрикъ обѣ этомъ законѣ ничего не знали и даже ничего не слыхали!

Меня поразило это обстоятельство на первой же фабрикѣ мною посѣщенной, довольно большихъ размѣровъ — фабрикѣ Котова (въ Москвѣ, въ Хамовнической части), а потомъ то же самое такъ часто повторялось и на другихъ фабрикахъ, что каждое свое посѣщеніе мнѣ приходилось начинать вопросомъ хозяину или его довѣренному въ конторѣ: «Слышали ли Вы что-нибудь о намѣреніи правительства ограничить работу малолѣтнихъ?»; обычно получалъ въ отвѣтъ: «Нѣтъ, ничего не слыхали!» и вынужденъ былъ чуть ли не прочесть имъ лекцію о законѣ о малолѣтнихъ, его важности и предполагаемомъ выполненіи. Нѣкоторые меня слушали съ видимымъ недоувѣріемъ, иные иронизировали; но огромное большинство, сказать правду, встрѣчали сообщаемое съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, какъ будто дѣло до нихъ совершенно не относится или касается другой страны, другого государства! Такъ, одинъ довольно крупный московскій фабрикантъ, въ первый разъ, по его словамъ, услышавши отъ меня о законѣ о малолѣтнихъ, въ самомъ же началѣ моихъ объясненій прервалъ меня: «Вы меня извините, господинъ, мнѣ пора въ городъ въ амбаръ ѣхать, а Вы расскажите свое какому-нибудь молодцу въ конторѣ; они мнѣ потомъ все передадутъ, будьте спокойны»... Другой былъ еще наивнѣе и не ссылался даже на дѣловой предлогъ, а что ему де «пора червячка заморить...; жена, знаете, ждетъ къ обѣду», что лучше обѣ этомъ я бы зашелъ въ другое время потолковать, «какую-нибудь утречкомъ»....

Обыкновенно по моемъ пріѣздѣ на фабрику и предъявленіи открытаго листа старшему лицу на фабрикѣ мнѣ приходилось помимо объясненія цѣлей пріѣзда разсѣивать даже недоумѣнія относительно моей личности; такъ какъ открытый листъ русскіе фабриканты и ихъ довѣренныя (обратно съ иностранцами!) никогда не читали, отдавая его тотчасъ назадъ, то меня принимали, какъ оказывалось впоследствии, обыкновенно или за земскаго статистика, или губернскаго механика, или за доктора, или полицейскаго чиновника! На одной фабрикѣ, какъ обнаружилось уже въ концѣ

моего посѣщенія, меня все время принимали даже за окружного надзирателя по надзору за питомцами Воспитательнаго Дома! Смотря по тому, за кого меня принимали, соответственно спѣшили и удовлетворять этой предполагаемой цѣли посѣщенія: то вели, напр., настойчиво въ паровое отдѣленіе, чтобы показывать мнѣ паровые котлы, какъ я ни упирался, то снимали со стѣны и показывали «Права», т. е. билетъ на торгово-промышленное заведеніе и приказчицы свидѣтельства, то приносили паспортную книгу и кучу паспортовъ и т. д. и т. д. Всѣ эти странныя недоумѣнія поглощали много времени и волей-неволей заставляли меня давать новыя объясненія о законѣ 1 Іюня, о должности фабричнаго инспектора и цѣли моего посѣщенія; мнѣ надо было вынуждать себя слушать, вмѣсто того, чтобы, кончивъ скорѣе дѣло, освободить отъ своего присутствія. Вообще, иногда, первое время приходилось вспоминать извѣстную «сказку о бѣломъ бычкѣ».

Вторая черта изъ моихъ первоначальныхъ впечатлѣній— это именно полнѣйшее равнодушіе фабрикантовъ къ закону 1-го Іюня и его будущности: видимо, они сомнѣвались въ возможности его практическаго осуществленія, или привыкли вообще законы видѣть невыполняемыми. Мало того, нѣкоторые даже подшучивали по поводу введенія въ дѣйствіе закона и мѣръ контроля и указывали, не стѣсняясь, на возможность тѣхъ или иныхъ уловокъ, даже при достаточности контроля, для избѣжанія закона. Нѣкоторые фабриканты или ихъ представители выражали свое твердое убѣжденіе, неизвѣстно на чемъ основанное, что дѣло никогда не дойдетъ до конца, что правительство такъ или иначе отменитъ законъ ранѣе вступленія его въ силу (что оказалось, увы! въ дѣйствительности потомъ фактически и осуществленнымъ).

Наконецъ, нѣкоторые, къ счастью, немногіе фабриканты, изъ особенно, очевидно, опасавшихся за открытіе или сообщеніе какихъ-либо неблаговидныхъ фактовъ на ихъ фабрикахъ, вродѣ крайнихъ проявленій эксплуатаціи рабочихъ, особенно дурнаго санитарнаго устройства, особенно малаго возраста многочисленныхъ малолѣтнихъ рабочихъ и т. д.— пытались меня „подмазать“, т. е. всучить взятку; одинъ разъ, напр., подѣ ногами въ саняхъ у своего извозчика я,

W
къ своему удивленію, нашелъ голову сахара; другой разъ въ своей книжкѣ законовъ, которую оставилъ на минуту въ конторѣ, вложенную ассигнацію и т. д. Сказать правду, однако, случаи предложенія взятокъ вообще были весьма рѣдки, и когда я, устраняя подобную попытку, читалъ нотацію, то, видимо, подавшіе были очень сконфужены, извинялись, что „это уже-де такъ заведено“, и никогда въ другой разъ не повторяли. Любопытно для характеристики, между прочимъ и русской жизни, что попытки предложенія взятокъ со мной были лишь короткое время: первые мѣсяцы моей дѣятельности, когда я разъѣзжалъ и осматривалъ промышленныя заведенія исключительно для собранія фактовъ, а не наблюденія за закономъ, который еще не вступалъ въ силу. Позднѣе же, когда законъ вступилъ въ силу, я не помню, за исключеніемъ одного случая на стеклянномъ заводѣ въ глухомъ углу Тверской губерніи, ни одной болѣе попытки къ даванію взятки; очевидно, разнеслось, что „на новой должности не берутъ!“.. Вообще, за исключеніемъ небольшого числа просвѣщенныхъ и гуманныхъ лицъ изъ фабричной администраціи, огромное большинство промышленниковъ въ мое время пыталось справиться съ чиновниками, по русской поговоркѣ: „не мытьемъ—такъ катаньемъ“.

I
Другой важной помѣхой, помимо незнакомства фабричнаго міра съ новыми законами, къ осмотру фабрикъ и ознакомленію съ ними, было отсутствіе точныхъ свѣдѣній объ ихъ числѣ и мѣстонахожденіи; даже въ Москвѣ, гдѣ для меня, по распоряженію Оберъ-Полицеймейстера генерала Козлова, былъ составленъ специальный списокъ всѣхъ промышленныхъ заведеній, сплошь и рядомъ оказывались совсѣмъ пропущенныя фабрики, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ на одномъ участкѣ земли, по полицейскимъ свѣдѣніямъ, значилась одна фабрика, ихъ въ дѣйствительности оказывалось двѣ или три. Еще менѣе заслуживали вѣры, конечно, другія данныя о промышленныхъ заведеніяхъ, если даже число фабрикъ и было точно: въ большинствѣ случаевъ, напримѣръ, официальныя свѣдѣнія о числѣ рабочихъ были меньше истинной цифры, но иногда и наоборотъ. На многихъ фабрикахъ не оказывалось вовсе точнаго списка рабочихъ за всякій моментъ,

а полиція посылалась изъ года въ годъ одни и тѣ же, даже часто печатныя свѣдѣнія о заведеніи, безъ всякихъ перемѣнъ. Вообще, на первыхъ же шагахъ мнѣ пришлось убѣдиться въ неудовлетворительности и неточности всѣхъ имѣющихся статистическихъ данныхъ и провѣрять ихъ личными разспросами промышленниковъ и рабочихъ. Все это, разумѣется, осложняло дѣло ознакомленія съ фабриками, увеличивало время, необходимое для собиранія свѣдѣній, и, тѣмъ самымъ, конечно, уменьшало общее число сдѣланныхъ осмотровъ. Къ этому еще присоединялось незнакомство съ топографическимъ положеніемъ фабрикъ и путями сообщенія, — знакомство, которое вырабатывается мало-по-малу, конечно, путемъ опыта.

Пока я, такимъ образомъ, началъ понемногу свои объѣзды и посѣщенія фабрикъ, знакомился и боролся со встрѣчавшимися затрудненіями и набирался свѣдѣній для своей новой профессіи, время протекало быстро, и въ Петербургѣ готовились новыя, очень важныя для инспекціи событія. Е. Н. Андреевъ не баловалъ меня письмами ни частными, ни официальными. Третье его письмо по счету, отъ 29 Марта 1883 года, принесло мнѣ нѣсколько неприятныхъ для новаго надзора за фабриками извѣстій; очевидно, дѣло у него не ладилось какъ съ Ермаковымъ, такъ и съ Министромъ, и онъ увѣдомлялъ меня, что большинство его представленій, по его выраженію, „кладется подъ сукно“. Общій составъ инспекціи, который на первыхъ порахъ предполагался въ 85 человекъ, сведенъ былъ сначала на 49, а затѣмъ остановились на 20 человекъ и помощи акцизныхъ чиновниковъ. Пунктъ 5-ый статьи 1-ой закона 1-го Іюня 1882 года, въ силу котораго владѣльцы фабрикъ и заводовъ и мануфактуръ „обязаны представлять малолѣтнимъ возможность посѣщать учебныя заведенія“ и т. д., который до тѣхъ поръ всѣ мы и сами фабриканты понимали какъ обязательство устройства школъ, гдѣ ихъ не было, получилъ, согласно письму Андреева, новое толкованіе, совершенно уничтожавшее въ сущности вопросъ объ обученіи малолѣтнихъ. „Инспекціи“, — писалъ онъ въ этомъ письмѣ, — „предоставляется уговаривать фабрикантовъ устраивать школы; если

же этого не будетъ, то Министерство Народнаго Просвѣщенія будетъ устраивать ихъ на счетъ Государственнаго Казначейства“ (!??).

Въ то же время, сообщая о нежелательныхъ, въ интересахъ фабричнаго закона, дѣйствіяхъ Министерства, Е. Н. пишетъ и о согласіи Министерства на его собственное предложеніе, не менѣе вредное для интересовъ новаго закона. По непонятнымъ для меня причинамъ, онъ пожелалъ разрушать законы еще не осуществленные и сдѣлалъ представленіе о допущеніи къ ночной работѣ малолѣтнихъ не съ 15-ти, а съ 14-ти лѣтъ отъ роду, съ чѣмъ, будто бы, Министерство согласилось (къ счастью, Государственный Совѣтъ не утвердилъ эту неосторожную мѣру).

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 19 Апрѣля 1883 года Е. Н. сообщаетъ еще болѣе важное извѣстіе отрицательнаго характера, а именно, что „Инструкція чинамъ инспекціи по надзору за занятіями малолѣтнихъ“ и „Правила исполненія закона для фабрикантовъ“ не успѣютъ пройти до весны, т. е. до 1-го Мая, а потому, въ виду ихъ существенной нужды для исполненія закона, „и само примѣненіе закона отлагается вновь еще на цѣлый годъ“. Впрочемъ, думаю, что это къ лучшему“,—добавляетъ Андреевъ: „авось удастся убѣдить Министра Финансовъ въ невозможности вести порядочно дѣло при такой обстановкѣ“... Далѣе онъ увѣдомляетъ: такъ какъ теперь дѣло отложено, то онъ, „озабочиваясь составленіемъ „Инструкціи“ (??), пришлетъ ее намъ, мнѣ и Пескову, для предварительнаго просмотра (т. е. въ дѣйствительности для составленія). Въ то же время онъ сообщаетъ не безъ гордости, что ему удалось, будто бы, провести ночную работу 14-лѣтнихъ подростковъ, вмѣсто 15-тилѣтнихъ: „чѣмъ меньше пертурбацій, тѣмъ лучше,—я думаю“,—замѣчаетъ онъ. Въ заключеніе письма Е. Н. съ важностью заявляетъ, что „цѣлыхъ 4 секретаря постоянно заняты у него сводкой матеріала, поступающаго отъ фабрикантовъ въ отвѣтъ на циркуляръ, нами выше упомянутый: „очень много интереснаго, много дѣльнаго, немало и забавнаго“... „Я получилъ“,—добавляетъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ по тому же предмету,—„разрѣшеніе на печатаніе всего собраннаго матеріала; томъ будетъ крупный

и, надѣюсь, чрезвычайно интересный, оригинальный и досто-
вѣрный“... (!!?).

Наконецъ, въ послѣднемъ своемъ письмѣ съ небольшимъ
черезъ недѣлю, отъ 28 Апрѣля, Е. Н. сообщаетъ, чего слѣ-
довало давно ожидать, о своей скорой предложенной Мини-
стерствомъ отставкѣ и окончаніи имъ инспекторской дѣя-
тельности. „Вчера“,—пишетъ онъ— „я былъ приглашенъ къ
г. Министру, который заявилъ мнѣ, что, не находя въ моей
дѣятельности удовлетворенія своимъ предположеніямъ и усма-
тривая частыя между нами разногласія по вопросамъ инспек-
ціи, онъ предлагаетъ мнѣ какое-нибудь другое положеніе
въ Министерствѣ Финансовъ; онъ не видитъ“,—продолжаетъ
Андреевъ откровенную передачу словъ Министра, „чтобы что-
нибудь было сдѣлано практическаго въ теченіе цѣлаго года“
(собственно за 9 мѣсяцевъ службы).

Дѣйствительно, Андреевъ ничего не успѣлъ практическаго
сдѣлать за время исполненія обязанностей Главнаго Инспек-
тора, кромѣ вышеуказаннаго бесполезнаго анкета. Такъ,
дополнительныя узаконенія о взысканіяхъ за нарушеніе за-
кона о малолѣтнихъ, безъ чего, конечно, онъ не могъ бы и
исполняться, прошли и утверждены послѣ него, уже отъ
5 Іюня 1884 года; равно послѣ него прошло и узаконеніе
отъ 12 Іюня 1884 года (впрочемъ, испортившее законъ), и
точно также упомянутыя выше крайне существенныя „Ин-
струкція чинамъ инспекціи“ и „Правила фабрикантамъ“
прошли спустя много времени, лишь послѣ многихъ мытарствъ,
и утверждены лишь 19 Декабря 1884 года. При Андреевѣ
начато было составленіе списка вредныхъ и иныхъ про-
изводствъ, въ которыхъ допускается отступленіе отъ правилъ
о работѣ малолѣтнихъ; но прошелъ онъ, тщательно пере-
смотрѣнный, гораздо позднѣе, въ инспекторство Я. Т. Михай-
ловскаго. Почему Е. Н. Андреевъ былъ такъ бездѣятеленъ,
я не берусь судить, живя далеко отъ него и рѣдко получая
письма (обратно съ послѣдующимъ Главнымъ Инспекторомъ
Михайловскимъ). Вѣроятно важной помѣхой, какъ и всегда,
у насъ каждому живому дѣлу служила канцелярская воло-
кита Департамента Торговли и личное несогласіе, по свой-
ствамъ характера, Андреева съ Ермаковымъ.

Кромѣ того, нѣтъ сомнѣнія, малодѣятельности Андреева способствовало, что меня крайне удивило при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ, неудовлетворительное его знакомство съ фабричнымъ и рабочимъ бытомъ, не смотря на его техническую спеціальность; онъ былъ, повидимому, только нѣсколько знакомъ съ кустарнымъ производствомъ, о которомъ писалъ и печаталъ и придавалъ ему преувеличенное значеніе въ государствѣ; но эта слабость скорѣе принесла больше зла, чѣмъ добра дѣлу фабричнаго надзора, ибо, по его, вѣроятно, настоянію, отъ дѣйствія инспекціи освобождены были, по закону отъ 1 Іюня 1882 года, совершенно т. н. „кустарные промыслы“, опредѣленія которыхъ въ русскомъ законѣ совсѣмъ не существовало. Поэтому, впоследствии, при попыткахъ примѣненія на практикѣ закона о работѣ и обученіи малолѣтнихъ, многіе мелкіе фабриканты (и даже съ числомъ рабочихъ до 50 человекъ) наравили себя объявить кустарями и тѣмъ избавиться отъ дѣйствія новаго закона! Несомнѣнно, въ заслугу Андреева, впрочемъ, надо поставить привлеченіе къ фабричной инспекціи дѣльнаго и дѣятельнаго помощника въ лицѣ П. А. Пескова, котораго онъ сдѣлалъ фабричнымъ инспекторомъ Владимірскаго округа.

Вскорѣ за этимъ письмомъ Андреевъ вышелъ въ отставку, и у насъ началось междуцарствіе, такъ какъ долго на его мѣсто никого не назначали, и мы, немногіе инспектора—я разумѣю себя и Пескова—сносились прямо съ Департаментомъ черезъ посредство А. Г. Неболсина. Впрочемъ, и поводовъ къ сношенію было мало: мы продолжали свое дѣло посѣщенія фабрикъ и собиранія о нихъ свѣдѣній. Въ виду отсутствія необходимыхъ дополнительныхъ узаконеній, хотя бы, напр., о взысканіи за нарушеніе закона, а равно „Правилъ“ и „Инструкціи“, не могло быть и рѣчи о привлеченіи кого-либо къ ответственности, какія бы явныя злоупотребленія мы ни видѣли; мы ограничивались лишь одной бесѣдой съ хозяевами и записываедемъ замѣтокъ въ свои путевыя книжки.

Я, впрочемъ, сравнительно съ Песковымъ, имѣлъ одно преимущество и могъ кое-что сдѣлать для интересовъ рабочихъ и фабричнаго благоустройства; какъ я сообщалъ раньше, я былъ единовременно членомъ „Саблинской“ Комиссіи, учрежденной

Генераль-Губернаторомъ, и подобной же Комиссiи для г. Москвы подъ предсѣдательствомъ Оберъ-Полицеймейстера. Та и другая Комиссiи выработали и издали свои „Правила для фабрикантовъ“, стоя на почвѣ существующихъ уже законовъ, съ нѣкоторыми дополненiями и разъясненiями; и вотъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ я находилъ нарушенiе означенныхъ правилъ, я заявлялъ хозяевамъ о непремѣнномъ намѣренiи своемъ довести до свѣдѣнiя губернской администрацiи о замѣченномъ нарушенiи закона, и только въ случаѣ положительнаго, съ назначенiемъ срока, обѣщанiя хозяина все исправить, я соглашался на первый разъ воздержаться отъ такого заявленiя. Этотъ приемъ нѣсколько разъ мнѣ удавался и, благодаря ему и соглашенiю съ фабрикантами, были кое-гдѣ устроены огражденiя машинъ, приняты санитарныя и антипожарныя мѣры (устройство, напр., лѣстницъ, вентиляцiи и пр.), а кое-гдѣ удавалось установить лучший расчетъ съ рабочими или уменьшить чрезмѣрные вычеты и штрафы, напр., такого рода безобразiе, какое я помню на одной фабрикѣ — штрафы за пѣнiе пѣсенъ по *воскресеньямъ* и вожденiе хороводовъ на дворѣ фабрики! Не имѣя никакой власти по закону вслѣдствiе объясненныхъ выше причинъ, я не имѣлъ и права дѣлать какiя-либо замѣчанiя хозяевамъ или угрожать отвѣтственностью, что бы я ни видѣлъ и ни слышалъ отъ рабочихъ, которые обращались ко мнѣ съ жалобами, часто справедливыми. Я ограничивался только однимъ: „я, при свиданiи, расскажу князю Владимиру Андреевичу Долгорукову или генералу Александру Александровичу Козлову, что видѣлъ у Васъ, а затѣмъ дѣлайте сами, какъ знаете!“ Обыкновенно было этого достаточно, какъ я провѣрялъ повторными посѣщенiями, чтобы замѣченное мною безобразiе было дѣйствительно устранено или, по крайней мѣрѣ, смягчено.

Въ концѣ лѣта, наконецъ, назначенъ былъ новый Главный Фабричный Инспекторъ Яковъ Тимофеевичъ Михайловскiй, педагогъ по своей профессiи, если не ошибаюсь, преподаватель въ нѣсколькихъ женскихъ учебныхъ заведенiяхъ. Онъ во многихъ отношенiяхъ представлялъ собою совсѣмъ другую личность, нежели его предшественникъ Андреевъ, и, какъ я въ настоящее время думаю, рѣшительно къ лучшему.

Конечно, онъ не былъ знакомъ съ фабрично-инспекторскимъ дѣломъ и рабочимъ вопросомъ по личному опыту, но такіе люди вообще у насъ рѣдки, и въ этомъ отношеніи Андреевъ едва-ли превосходилъ даже почтеннаго Я. Т., не смотря на свою техническую спеціальность. Первый зналъ только твердо возраженія противъ покровительственнаго тарифа и о кустарныхъ производствахъ; второй же зато гораздо болѣе былъ знакомъ съ вопросами народнаго образованія и школьнаго дѣла и, помимо личнаго опыта, писалъ о нихъ... Но самое главное: перваго невозможно было ни въ чемъ убѣдить обратномъ высказанному имъ, какъ бы очевидность ни была противъ него. Е. Н. Андреевъ и не желалъ, повидимому, ничему учиться въ новомъ дѣлѣ; по крайней мѣрѣ, на немногихъ осмотрѣнныхъ со мною фабрикахъ въ Москвѣ онъ всегда отклонялъ отъ себя разспросы экономическаго характера, или отсылалъ ко мнѣ, тогда какъ Я. Т. собиралъ всякія свѣдѣнія и охотно учился, насколько представлялся случай.

При посѣщеніи Москвы новый Главный Фабричный Инспекторъ охотно осматрѣлъ со мною нѣкоторыя фабрики и заводы, вызывающіе особую важность въ виду ихъ несоотвѣтствія новому закону или невозможности его выполнения, такъ напр., рогожныя фабрики. Мы много разъ обсуждали съ нимъ этотъ вопросъ, и онъ обѣщался навести разныя справки въ Петербургѣ. Обратномъ съ Андреевымъ, онъ охотно и быстро отвѣчалъ на всякіе письменные запросы; правда, я не всегда находилъ въ его письмахъ точные отвѣты на свои любознательные дѣловые запросы; сзади его стояли, не слѣдуетъ забывать, канцелярія Министерства и Департаментъ, которые также мало церемонились съ нимъ, какъ съ Андреевымъ, и весьма часто всѣ его настоянія и просьбы разбивались о бюрократическія препоны, а благія намѣренія не приводили ни къ чему положительному. Такъ, весьма долго болнымъ для насъ обоихъ пунктомъ были пресловутыя „Правила фабрикантамъ“ и „Инструкція инспекторамъ“, безъ которыхъ невозможно было приступить къ истинному надзору, и инспекторъ являлся на фабрикахъ, при мало-мальски умномъ и любознательномъ хозяинѣ и его довѣренномъ, истиннымъ межеумкомъ и мученикомъ, который на многіе естественные

и исполнѣ умѣстные вопросы ихъ вынужденъ былъ отвѣчать лишь междометіями, или ничего не значащими фразами. „Могутъ ли малолѣтніе, не достигшіе 12 лѣтъ, въ видѣ малюга исключенія, временно быть допущены къ работѣ на фабрикахъ“?! „Для всѣхъ ли малолѣтнихъ требуются метрическія свидѣтельства, и что дѣлать, если священникъ ихъ не даетъ“!? какъ мнѣ доказываетъ хозяинъ того или иного заведенія. „Всѣ ли царскіе дни подлежатъ празднованію“? „Допустимо ли присутствіе младенцевъ и вообще малыхъ дѣтей, неспособныхъ къ занятіямъ, въ рабочихъ помѣщеніяхъ, хотя бы это было около матери или отца“? „По какимъ часамъ должно провѣряться время для работы на фабрикахъ“?.. и т. д., и т. д., безъ конца. На всѣ эти и сотни подобныхъ вопросовъ инспекторъ не въ состояніи былъ отвѣчать точно до выхода въ свѣтъ „Правиль фабрикантамъ“, а на многіе, при неполнотѣ «Правиль», и послѣ нихъ...

Весь 1883 годъ прошелъ до осени, такимъ образомъ, въ посѣщеніи фабрикъ, съ цѣлью ознакомленія лишь съ будущимъ дѣломъ. Съ назначеніемъ Михайловскаго пришлось слѣздить въ Петербургъ и, по желанію Министерства, приступить къ писанію отчета о своей полуторагодовой дѣятельности, по программѣ, еще составленной Андреевымъ, для ознакомленія съ фабриками. Отчетъ этотъ должець былъ быть поданъ или, точнѣе, присланъ въ Министерство къ 1 Января 1884 года, въ дѣйствительности мнѣ дана была маленькая отсрочка, и я его кончилъ и послалъ лишь въ концѣ Января, послѣ усерднаго четырехмѣсячнаго, или больше, надъ нимъ сидѣнія. Онъ представилъ собою выпуклую, неприглядную картину русскаго фабричнаго быта, что, какъ извѣстно, обратило всеобщее вниманіе, и если нѣкоторые изъ фабрикантовъ, познакомившіеся съ отчетомъ (напр., г. Герасимовъ— представитель Реутовской мануфактуры), дѣлали мнѣ комплименты за безпристрастіе и точность сообщаемыхъ свѣдѣній, то другіе подъ шумокъ дѣлали намеки, что описательная часть моего отчета страдаетъ преувеличеніями, что содержаніе его нахнетъ де „соціализмомъ“ и что автора его слѣдовало бы „сократить“. Какъ бы то ни было, отчетомъ въ большинствѣ были довольны. Михайловскій написалъ мнѣ

письмо, полное комплиментовъ, съ передачей благопріятныхъ отзывовъ Н. Х. Бунге; черезъ годъ, совершенно неожиданно для себя, не представляя вовсе своей книги для конкуренціи, я получилъ отъ Географическаго Общества золотую медаль этого общества за свой трудъ; въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ появилось множество лестныхъ разборовъ и рецензій, въ англійскихъ „синихъ“ книгахъ (изданіи для парламента) было сдѣлано извлеченіе изъ моего отчета in extenso ... *) и т. д. Все это вмѣстѣ, разумѣется, давало мнѣ силъ и бодрости съ надеждой смотрѣть на будущее и стоять такъ же твердо при исполненіи фабричныхъ законовъ, какъ до тѣхъ поръ, при предварительномъ ознакомленіи съ фабричною жизнью и бытомъ рабочихъ.

Первые признаки, однако, при подачѣ моего отчета въ Январѣ 1884 года были тревожны и внушали опасеніе; Михайловскій писалъ изъ Петербурга, что въ Департаментѣ, ознакомившись съ его содержаніемъ, опасаются большой огласки, потому колеблются его печатать. Когда же я, ссылаясь на обѣщаніе еще Андреева и примѣръ всѣхъ другихъ странъ, рѣшительно настаивалъ на его напечатаніи, то, наконецъ, согласились на это, но хотѣли помѣстить отчетъ сначала отрывками въ изданіи Министерства „Указатель распоряженій по Министерству Финансовъ“, что, разумѣется, растянуло бы печатаніе отчета на продолжительное время и въ

*) Изъ многочисленныхъ журнальныхъ отзывовъ особенно выдавались по своему качеству превосходныя статьи «Вѣстника Европы». Если въ нѣкоторыхъ другихъ журналахъ статьи по поводу отчета были простыми компиляціями, то, напротивъ, въ «Вѣстникѣ Европы» (напр., статья К. К. Арсеньева въ 1884 году, по выходѣ отчета) имѣла мѣсто безпристрастная, толковая критика и оцѣнка съ оригинальными, принадлежащими автору разбора замѣчаніями и вѣрой въ хорошее будущее начатаго дѣла и его исполнителей...

• Если выборъ лица, — говоритъ авторъ означенной статьи, — для завѣдыванія Московскимъ фабричнымъ округомъ — не счастливая случайность, а плодъ обдуманной системы, и если развитіе этой системы ничѣмъ не будетъ ни остановлено, ни извращено, то успѣхъ новаго закона можно считать обезпеченнымъ, и за нимъ, безъ сомнѣнія, послѣдуютъ дальнѣйшія, настоятельно необходимыя реформы фабричнаго законодательства»... (см. «Вѣстникъ Европы», Ноябрь 1884 года, Внутреннее обозрѣніе, стр. 371).

Увы! послѣ такой вѣры въ лучшее будущее, кто же могъ ждать такого быстрого разочарованія?! Разумѣется, лишь цѣлый рядъ неудачъ и неправильное направленіе всего дѣла инспекціи постепенно убѣдили меня, какъ увидать дальше читатели моихъ «Воспоминаній», въ невозможности еще долго ждать у насъ хорошей организаціи фабричнаго законодательства!...

значительной степени ослабило бы его значение и влияние. Лишь благодаря новымъ настояніямъ и угрозѣ обратиться за помощью и посредничествомъ къ самому Министру и пр. удалось добиться печатанія отчета особой книгой и спасенія моего труда отъ сравнительнаго забвенія въ дебряхъ „Распоряженій Министерства Финансовъ“...

Посылая свой отчетъ Я. Т. Михайловскому въ Петербургъ, въ письмѣ отъ 18 Января 1884 года, я въ слѣдующихъ словахъ выразилъ мое отношеніе къ собственному труду и мотивировку для необходимости его печатанія именно въ формѣ книги: „Не знаю, найдете ли Вы его достаточно для себя любопытнымъ; во всякомъ случаѣ я старался помѣстить въ немъ какъ можно болѣе изъ видѣннаго и слышаннаго на фабрикахъ, выбирая преимущественно такія свѣдѣнія, которыя, по моимъ соображеніямъ, могутъ пригодиться Вамъ и Департаменту при пересмотрѣ нашихъ фабричныхъ постановленій. Во всемъ отчетѣ я старался держаться строгаго безпристрастія и говорилъ только одну правду, не стараясь ее смягчать или замаскировать. Если что не понравится нашимъ фабрикантамъ, пусть не взыщутъ! Я не закрывалъ глазъ и ушей на то, что видѣлъ и слышалъ, но не называлъ именъ, гдѣ факта не провѣрилъ лично, или онъ вызывалъ малѣйшее сомнѣніе. Кстати, я получаю вновь „Указатель распоряженій по Министерству Финансовъ“ и думаю, что если моему отчету суждено печататься на его страницахъ, то это „его-же Царствію не будетъ конца“! Указатель до того переполненъ банками и официальными распоряженіями, что, при величинѣ отчета листовъ въ 15, онъ будетъ печататься не менѣе полугода, и всякій интересъ къ нему читателей успѣетъ исчезнуть раньше окончанія печатанія. Таблицы, очень важныя, какъ матеріалъ, едва ли могутъ появиться на его страницахъ, такъ какъ отдѣльно отъ всего отчета онѣ не имѣютъ никакого смысла. Вездѣ въ Европѣ дорожатъ отчетами фабричныхъ инспекторовъ, печатаютъ ихъ немедленно по появленіи ихъ въ свѣтъ, какъ полезный вдвойнѣ матеріалъ — 1) въ законодательныхъ цѣляхъ, 2) въ интересахъ общаго ознакомленія народа съ положеніемъ промышленности. Неужели у насъ только не найдется средствъ напечатать эти

отчеты прямо, отдѣльною книгой? Вѣдь, если не ошибаюсь, на счетъ Министерства Финансовъ издавались даже очень недавно такіе труды, какъ „Свѣдѣнія о торговлѣ въ Тихомъ Океанѣ“, „О среднеазиатскихъ орнаментахъ“ и т. д. По моему мнѣнію, содержаніе инспекторскихъ отчетовъ ближе къ интересамъ какъ самого Министерства Финансовъ, такъ и публики, и уже гораздо существеннѣе, особенно принимая во вниманіе почти полное у насъ отсутствіе промышленной статистики. Не найдете ли Вы, многоуважаемый Яковъ Тимофеевичъ, нужнымъ поговорить и понастоятельнѣе попросить Николая Андреевича (Ермакова) или самого Николая Христіановича Бунге)?! Это было бы для нашего дѣла большою услугою: иначе опустятся руки работать надъ отчетами и грозить въ будущемъ опасность, что самое ихъ писаніе обратится въ формальность“... Такимъ образомъ, отчетъ былъ спасенъ отъ забвенія, и Михайловскій скоро увѣдомилъ меня, что онъ уже поступилъ въ наборъ въ Типографію Киршбаума.

За нѣсколько недѣль всего Я. Т. Михайловскій окончилъ проектъ „Распоряженія Министра Финансовъ о вредныхъ производствахъ“ или, точнѣе, списокъ производствъ, съ нѣкоторыми отступленіями или изъятіями изъ-подъ новаго закона. Проектъ, по обычаю, предварительно былъ разосланъ многимъ фабрикантамъ Я. Т. Михайловскій, какъ авторъ, весьма интересовался знанъ, какъ относятся фабриканты къ его проекту, и просилъ меня собрать объ этомъ свѣдѣнія. Исполняя его желаніе, я обратился съ личными запросами къ нѣсколькимъ фабрикантамъ и въ заключеніе далъ ему, въ письмѣ отъ 17-го Декабря 1883 года, слѣдующій поучительный и характерный отвѣтъ: „Къ сожалѣнію“,— писалъ я,— „долженъ сказать правду: насколько мнѣ извѣстно, большинство относится съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ, какъ и ко всему фабричному законодательству. Вы увидите это изъ моего отчета. Главныхъ причинъ такому непонятному равнодушію двѣ: во-первыхъ, вѣковая привычка видѣть законы невыполняемыми на дѣлѣ, во-вторыхъ, малообразованность и даже невѣжество многихъ изъ здѣшнихъ промышленниковъ, чему также немало образцовъ Вы получите въ моемъ отчетѣ. Непривычка къ дѣятельному

вмѣшательству со стороны правительства въ ихъ отношенія къ рабочимъ и полный произволъ въ послѣднихъ пріучили ихъ къ мысли, что благія предначертанія его всегда останутся лишь одними пожеланіями и что никогда и ни въ малѣйшемъ правительстве не захочетъ въ чемъ-нибудь стѣснить или ограничить промышленниковъ. Нѣкоторые фабриканты, — продолжалъ я, — мнѣ прямо и рѣшительно говорили, что законъ 1 Іюня — де пустая затѣя, которую чиновники въ С.-Петербургѣ выдумали, но до конца довести ее не посмѣютъ!... Конечно, есть немало здѣсь и исключеній, но исключенія правила не дѣлаютъ. Недавно одинъ изъ болѣе образованныхъ здѣшнихъ хлопчато-бумажниковъ сообщалъ мнѣ свое желаніе получить нѣкоторыя разъясненія по поводу вышеозначеннаго проекта и собирався для этого представить особую записку; какъ только получу ее, тотчасъ же препровожу къ Вамъ⁴.

Считая излишнимъ передавать въ подробности содержаніе своего перваго отчета, я, тѣмъ не менѣе, долженъ, чтобы быть понятнымъ въ дальнѣйшемъ описаніи своихъ воспоминаній и переписки по фабрично-инспекторскому дѣлу, сообщить суть или главнѣйшіе выводы этого труда о фабричныхъ рабочихъ *).

Они мною формулированы были въ отчетѣ въ слѣдующихъ 12-ти пунктахъ.

Собственно о малолѣтнихъ.

1) Наибольшее число малолѣтнихъ изъ осматрѣнныхъ мною фабрикъ по 24 производствамъ находится, абсолютно, на всѣхъ хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ разнаго рода, относительно — на обоихъ, стеклянныхъ, мебельно-рояльныхъ, рогожныхъ и табачныхъ фабрикахъ.

2) Продолжительность рабочаго времени для малолѣтнихъ и устройство смѣнъ, по общему правилу, тѣ же самыя, что и для взрослыхъ рабочихъ, въ среднемъ не менѣе 12 часовъ въ сутки.

---

*). Фабричный бытъ Московской губерніи. Отчетъ за 1882—83 гг. фабричнаго инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ рабочихъ Московскаго округа: И. И. Янжула. С.-Петербургъ. 1884. Стр. 141 и 142.

3) Праздничные дни разнообразятся по фабрикамъ и вообще не совпадаютъ вполне съ принятыми календаремъ неприсутственными или табельными днями. Въ случаѣ надобности, малолѣтніе работаютъ по праздникамъ, какъ и прочіе, и на многихъ фабрикахъ не могутъ, подъ опасеніемъ штрафа, даже уклоняться отъ этой работы.

4) Три четверти всѣхъ работающихъ малолѣтнихъ, или 75%, нигдѣ не обучаются и, слѣдовательно, для того, чтобы удовлетворить цѣлямъ закона 1 Іюня 1882 года, необходимо всѣ наличныя школьныя средства на фабрикахъ увеличить въ размѣрахъ еще въ *три раза*.

5) На сколько-нибудь значительную помощь со стороны фабрикантовъ въ дѣлѣ устройства школъ для малолѣтнихъ, при отсутствіи обязательности, нѣтъ основанія рассчитывать. Напротивъ, есть основаніе полагать, что нѣкоторые изъ нихъ, отпустивъ съ фабрики всѣхъ малолѣтнихъ, закроютъ и тѣ немногія школы, которыя теперь имѣются.

Вообще о рабочихъ:

6) Взаимныя права и обязанности хозяевъ и рабочихъ крайне неопредѣленны, что ведетъ за собой произволь и значительныя неудобства для обѣихъ сторонъ.

7) Расплата съ рабочими на большинствѣ фабрикъ нерегулярна, совершается въ неопредѣленные точно сроки, что влечетъ за собой для рабочихъ сильную зависимость отъ хозяевъ и неудовлетворительное экономическое положеніе. Заработная плата преимущественно является въ двухъ видахъ: едѣльной и мѣсячной. На большинствѣ производствъ замѣчается постепенный переходъ отъ мѣсячной къ едѣльной платѣ.

8) Средняя выработка рабочихъ низкая, гораздо ниже приведенныхъ образцовъ иностранной, и еще болѣе умаляется благодаря: а) многочисленнымъ и произвольнымъ штрафамъ и вычетамъ; б) высокимъ цѣнамъ харчей въ фабричныхъ лавкахъ, при фактической невозможности со стороны рабочихъ, вслѣдствіе неправильной съ ними расплаты, закупать припасы на сторонѣ; в) ростовщичеству старости и г) невосдержанности самихъ рабочихъ.

9) Жилыя и рабочія помѣщенія на большинствѣ фабрикъ неудовлетворительны, и первыя, какъ общее правило, вездѣ слишкомъ переполнены. Нечистоплотность и отсутствіе необходимой вентиляціи воздуха составляютъ обыденное явленіе на большинствѣ нашихъ фабрикъ.

10) Недостаточное огражденіе механизмовъ, огнеопасность многихъ фабричныхъ построекъ, отсутствіе правильного удаленія отбросовъ и вообще недостаточность мѣръ къ устраненію вредныхъ условій производства, — все это влечетъ за собою сильную болѣзненность рабочихъ и частые случаи несчастій на фабрикахъ, сколько-нибудь точной регистраціи которыхъ почти нигдѣ не существуетъ.

11) Медицинская помощь на большинствѣ фабрикъ фиктивна, требованіе объ обязательномъ содержаніи на фабрикахъ больницъ исполняется бѣльшею частью лишь внѣшнимъ образомъ.

12) Бань, пріютовъ, библиотекъ, сберегательныхъ кассъ и другихъ подобныхъ учрежденій при московскихъ фабрикахъ слишкомъ мало.

Нарисованная мною въ отчетѣ картина печальнаго быта русскихъ рабочихъ вызвала, вѣроятно въ первый разъ, официальное одобреніе со стороны всего моего начальства, начиная съ Министра и кончая особенно Михайловскимъ, который въ своемъ отвѣтѣ назвалъ его образцовымъ и по содержанію, и по изложенію; а Н. Х. Бунге въ разговорѣ съ однимъ лицомъ выразился такъ, что «такой отчетъ, конечно, не могъ быть написанъ чиновникомъ!» Все это, разумѣется, вливало въ меня бодрость и смягчало мои немалыя огорченія канцелярской волокитой и медленностью нашей бюрократической колесницы по поводу хода пересмотра и утвержденія „Правилъ“, „Инструкціи“ и многихъ другихъ дополнительныхъ узаконеній и административныхъ постановленій, болѣе или менѣе необходимыхъ для того, чтобы пустить въ ходъ фабричное законодательство. Я безпрестанно катался въ Петербургъ для участія въ разныхъ мелкихъ комиссіяхъ по поводу выработокъ всѣхъ этихъ постановленій, а главное писалъ и предстательствовалъ у Главнаго Инспектора, а также А. Г. Неболсина (начальника Промыш-

ленного Отдѣленія) и вообще всѣхъ, кто только могъ по-
двинуть дѣло. Приведу немногіе образцы этой переписки за
1884 годъ:

Въ письмѣ отъ 11 Апрѣля 1884 года къ Я. Т. Михай-
ловскому я благодарю его очень за присылку только что
вышедшей книги Е. Н. Андреева, на основаніи извѣстныхъ
намъ циркуляровъ и увѣдомляю о своей болѣзни: «Болѣе
недѣли мнѣ не домогается, а теперь совсѣмъ расклеился что-то,
прекратилъ временно водолеченіе, которымъ себя поддерживалъ,
глотаю хину, шея укутана согрѣвательнымъ компрессомъ и
вымазана іодомъ, а руки не слушаются и дрожатъ. А тутъ
на носу почти на Оминой недѣлѣ предстоитъ еще пуб-
личная лекція»... «Кстати, чѣмъ время болѣе подходитъ къ
1 Мая, тѣмъ чаще ко мнѣ завертываютъ фабриканты: былъ
Дѣтиновъ отъ Богородско-Глуховской Мануфактуры, Бэръ —
директоръ-владѣлецъ Вознесенской Мануфактуры и Щукинъ —
Даниловской Мануфактуры. Всѣ ихъ разговоры на одну и
ту же тему, что законъ 1 Іюня 1882 года, въ его настоя-
щемъ видѣ, выполнять невозможно; всѣ они требуютъ не-
законныхъ отступленій и преимущественно останавливаются,
съ разными вариантами, на шести или шести съ поло-
виной-часовой непрерывной работѣ для малолѣтнихъ,
вмѣсто узаконенной восьмичасовой съ перерывомъ. Всѣмъ отвѣчаю, какъ папа Пій IX,
«Non possum» и слышу въ заключеніе: «Постараемся, но
ручаться за исполненіе закона не можемъ»; а Бэръ такъ
прямо буркнулъ: «На всякій штрафъ пойду!»... Вотъ тутъ
и пойдите улаживать ихъ безъ выхода въ свѣтъ полныхъ
законовъ, вооруженныхъ надлежащей строгостью!..

«Вообще», продолжается мое письмо, «я не могу себѣ
и представить, что мы будемъ дѣлать на фабрикахъ послѣ
1-го Мая, если только всѣ необходимыя дополненія къ закону
1 Іюня 1882 года не пройдутъ: инспектора не будутъ имѣть
никакого значенія, никакой власти и будутъ возбуждать въ
гг. фабрикантахъ лишь смѣхъ, подобно мушкетерамъ Оффен-
баху, которые всюду являются «trop tard, trop tard»!! «Я
счелъ долгомъ излить передъ Вами свои сокровенныя думы,
а тамъ, конечно, «посмотримъ, поглядимъ!» «Во всякомъ

случаѣ ясно, что, при ничтожности силъ инспектората и помянутыхъ условіяхъ, въ скоромъ времени приведенія закона въ дѣйствіе ждать невозможно».

Къ сожалѣнію, все мои опасенія оправдались: къ 1 Мая 1884 года не были готовы ни «Правила», ни «Инструкція», ни дополнительные узаконенія и, вмѣсто осмотра фабрикъ съ цѣлью контроля, за вступленіемъ въ силу закона, Михайловскій написалъ намъ конфиденціально предложеніе, чтобы мы, инспектора, временно, впредь до будущаго, всемъ прекратили свои объѣзды фабрикъ, дабы не быть смѣшными и не разводить беспомощно руками передъ фабрикантами на ихъ запросы относительно формы исполненія той или иной части закона! Единственное исключеніе, которое сдѣлалъ Главный Инспекторъ, это — поручилъ мнѣ, какъ особенно вредныя для здоровья малолѣтнихъ, посмотреть табачныя фабрики и просить акцизное управленіе и полицію обратить вниманіе на нѣкоторыя ограниченія дѣтской работы на этихъ фабрикахъ.

Въ своемъ письмѣ отъ 17 Іюня 1884 года я увѣдомилъ Я. Т. Михайловскаго, что только-что получилъ отъ него, наконецъ, изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ, давно желанныхъ документовъ два, а именно: узаконенія отъ 5-го и отъ 12-го Іюня того же года. «Съ естественной поспѣшностью», — писалъ я, — «я бросился читать эти дополнительные законы и, увы! не могу сказать, чтобы остался ими доволенъ! Узаконеніемъ отъ 12 Іюня 1884 года, мнѣ кажется, въ значительной степени искажена основная мысль закона 1 Іюня 1882 года, т. е. обязательность для промышленниковъ предоставлять возможность обученія и т. д. Ее, т. е. этотъ пунктъ закона 1 Іюня 1882 года, можно было понимать въ смыслѣ необходимости для фабрикантовъ позаботиться, такъ или иначе, о школьномъ вопросѣ самимъ; узаконеніе 12 Іюня этого года окончательно устраняетъ всякую возможность такого толкованія и возлагаетъ обязанность заботиться объ устройствѣ школьнаго обученія малолѣтнихъ рабочихъ всецѣло на насъ-инспекторовъ (п. 2. ст. 1). Чужой опытъ для Россіи пропалъ даромъ — нигдѣ ничего подобнаго въ Европѣ не было, и именно потому, что ничего путнаго при такой

постановкѣ вопроса (по крайней мѣрѣ очень долгое время, если не навсегда) и не можетъ выйти. И въ самомъ дѣлѣ, что могутъ здѣсь сдѣлать одиночныя усилія немногихъ лицъ въ вопросѣ, гдѣ предстоятъ крупныя денежныя затраты и притомъ для каждаго на пространствахъ, равныхъ, по крайней мѣрѣ, двумъ Германіямъ» (Я разумѣлъ здѣсь величину округа, приходящагося тогда на каждаго русскаго фабричнаго инспектора). «Когда, наконецъ, инспекторамъ останется время для ихъ прямой обязанности—наблюдать за исполненіемъ предписаній закона о времени труда и какими способами они будутъ въ состояніи побуждать къ открытію школъ, когда въ ихъ рукахъ для того нѣтъ никакой власти, единственно дающей авторитетъ?!.. Моральное воздѣйствіе, какъ мы знаемъ по опыту, вездѣ и всегда имѣетъ лишь очень ограниченную область примѣненія и въ наилучшій разъ принесетъ полезныя результаты лишь въ какомъ-либо десяткѣ случаевъ... Пунктъ 3 ст. I того же узаконенія, по-моему, совершенно непонятенъ или, если хотите, безполезенъ. «Владѣльцамъ и пр. предоставляется открывать школы» и т. д.; спрашивается, развѣ когда-нибудь, или по крайней мѣрѣ послѣднія 25 лѣтъ, это имъ запрещалось? Если же нѣтъ, то зачѣмъ нужно повтореніе: не является ли оно лишнимъ? Вѣдь по общему юридическому положенію «что не запрещено закономъ—то дозволено» и, какъ всякій знаетъ, нѣкоторые благонамѣренныя изъ фабрикантовъ этимъ молчаливымъ дозволеніемъ и пользовались, заводя при своихъ фабрикахъ школы... Но не съ этою случайною благотворительностью законъ 1 Іюня, очевидно, желалъ имѣть дѣло».

«Не могу также вполне сочувствовать»,—продолжалъ я свое письмо,—«и редактированію статей 5 Іюня 1884 г. и здѣсь можно бы сказать очень многое... Во всякомъ случаѣ, я искренно убѣжденъ, что единственно вѣрная постановка вопроса о школьномъ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ имѣла мѣсто въ Англій: развѣ вышелъ законъ относительно обученія малолѣтнихъ на фабрикахъ, сами владѣльцы обязаны позаботиться о школахъ или отпустить малолѣтнихъ; казна лишь помогаетъ нѣсколько этому стремленію, а инспекція исключительно печется о точномъ выполненіи закона, не

припимая на себя трудъ Сизифа... Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ земство или городъ, или даже казна, въ случаѣ отказа фабриканта открыть собственную школу, будутъ заводить ее на свой счетъ, когда и самъ фактъ существованія фабрики, ее вызывающій на свѣтъ, крайне прекарный и подверженный массѣ случайностей? Нынче существуетъ въ такомъ-то малолюдномъ пунктѣ съ 200, положимъ, малолѣтними рабочими фабрика, а завтра банкротство, фабрика закрылась, и малолѣтніе разсѣялись по всей губерніи и далѣе!!?? Вѣдь это фактъ, который повторялся безпрестанно, и въ теченіе даже моего двухлѣтняго инспекторства нѣсколько большихъ фабрикъ закрылось, а двѣ фабрики были перенесены на большое разстояніе (одна изъ Серпухова, напр., въ Москву)». «Благодаря указанной постановкѣ», — объяснялъ я дальше, — «фабричный законъ въ Англии, какъ Вы хорошо знаете, имѣлъ непосредственное вліяніе на созданіе обязательнаго школьнаго обученія во всѣхъ большихъ городахъ и привелъ за собою грамотность почти цѣлаго народа. Первый фабричный законъ R. Peel'я 1802 года разсматривался поэтому тамъ, какъ новая эра народнаго образованія, и, по правдѣ, я мечталъ о томъ же и «относительно нашего закона 1 Іюня 1882 г.»...

Въ письмѣ отъ 20 Іюня (1884 года) я извѣщаю Главнаго Инспектора, что, согласно его специальному порученію, я посѣтилъ всѣ московскія табачныя фабрики, числомъ семь; изъ нихъ законъ о малолѣтнихъ извѣстенъ и вполнѣ выполнялся только на одной (Бостанжогло); на другой (Рейнгардта) малолѣтніе удалены, хотя доказательствъ возраста подростковъ, въ видѣ метрическихъ свидѣтельствъ, на лицо не было; на остальныхъ же пяти табачныхъ фабрикахъ законъ совершенно не выполняется и, по заявленію хозяевъ и администраціи, его не знаютъ, хотя на одной фабрикѣ я самъ былъ еще гораздо раньше и лично объяснялъ хозяину сущность и требованія новаго закона. «Итакъ, вотъ Вамъ результаты», — кончаю я письмо, — «моихъ осмотровъ табачныхъ фабрикъ: на шести фабрикахъ—нарушеніе закона въ большей или меньшей степени и, тѣмъ не менѣе, полное снисхожденіе (т. е. безнаказанность), принимая во вниманіе новизну дѣла и совѣты, Вами сообщаемые въ послѣднемъ пись-

мѣ. Скажу, въ заключеніе, что эти семь осмотровъ привели меня къ полному убѣжденію, что пока не будутъ опубликованы «Инструкція» и «Правила для фабрикантовъ», а равно и не будутъ напечатаны и разосланы всѣ эти узаконенія и пр. всѣмъ промышленникамъ,—инспекторамъ не только неловко, но просто даже смѣшно показываться на фабрики, играя роль какого-то сфинкса»!..

Тѣмъ не менѣе въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ, по обыкновенію частныхъ, хотя и тракующихъ о служебной дѣятельности, Главный Инспекторъ, находившійся въ то время во Владимірскомъ округѣ, увѣдомилъ меня, что онъ посѣщаетъ съ д-ромъ Песковымъ нѣкоторыя фабрики и, какъ бы мимоходомъ спрашиваетъ меня, чѣмъ я именно занимаюсь въ настоящее время? Меня крайне удивило какъ это увѣдомленіе, такъ и этотъ запросъ послѣ указанной выше остановки фабричныхъ разъѣздовъ въ силу распоряженія изъ Петербурга, почему я немедленно отвѣтилъ ему 25 Сентября 1884 года длиннымъ объясненіемъ и, надо сознаться, съ нѣкоторою рѣзкостью: «Вамъ не можетъ быть неизвѣстнымъ, чѣмъ я занимаюсь, какъ инспекторъ: о каждомъ своемъ шагѣ и дѣйствіи, въ смыслѣ фабричной инспектуры, я считалъ и считаю долгомъ доводить немедленно до Вашего свѣдѣнія. Въ концѣ Апрѣля письменно, затѣмъ въ Маѣ лично и 20 Іюня опять письменно Вы потребовали, чтобы я пріостановился разъѣздами по фабрикамъ впредь до прохождения «Дополнительныхъ узаконеній», «Инструкцій» и «Правилъ». Я подчинился Вашему приказанію и остановилъ осмотры фабрикъ; хотя я и томился бездѣятельностью и жалѣлъ потерянное лѣто, но не могъ не соглашаться съ справедливостью Вашего распоряженія. 29 Іюня Вы писали мнѣ, что послать инспекторовъ на дѣло безъ «Инструкцій» и «Правилъ для фабрикантовъ», — «было-бы все равно, какъ пускать воина въ битву безъ оружія»... Въ Іюль, однако, Вы мнѣ разрѣшили начать понемногу посѣщать фабрики и не дожидаясь выхода „Инструкцій“, „если я пожелаю и найду это возможнымъ“. Въ это время какъ разъ экстренный осмотръ семи табачныхъ фабрикъ показалъ мнѣ крайнюю неловкость положенія инспектора на фабрикахъ

безъ «Инструкціи», тщетность контроля и невозможность даже требовать отъ фабрикантовъ выполненія закона безъ выхода дополнительныхъ правилъ и ихъ особаго о томъ оповѣщенія. На этомъ-то основанія и имѣя, по Вашему предложенію, свободный выборъ, я рѣшился ждать появленія «Инструкціи» на свѣтъ Божій, постоянно надобдая Вамъ по этому пункту своими справками.... По фабрикамъ, такимъ образомъ, я не ѣзжу и ограничиваюсь лишь объясненіями съ фабрикантами, которые сами ко мнѣ являются для этой цѣли».

Въ виду всѣхъ высказанныхъ соображеній я просилъ Я. Т. Михайловскаго, если онъ измѣнилъ свое мнѣніе и считаетъ возможность пустить насъ, инспекторовъ, въ битву безъ оружія, т. е. безъ „Инструкціи“ и „Правилъ“, то пусть прямо потребуетъ этого и, не смотря на всѣ приведенные доводы и аргументы, я немедленно приступлю къ осмотрамъ. „Прошу только у Васъ“, писалъ я Михайловскому, „указаній по слѣдующимъ вопросамъ: 1) Какъ удостовѣряться въ возрастѣ малолѣтнихъ—паспортами или инымъ способомъ и что дѣлать, когда, какъ это нерѣдко встрѣчается на фабрикахъ города Москвы, и паспортовъ совсѣмъ нѣтъ? 2) Видя явное нарушеніе закона и при знаніи его со стороны хозяина, можно ли составлять акты и притягивать къ отвѣтственности или нѣтъ? Если же—да, то какъ составлять, т. е. по какой формѣ и въ какихъ выраженіяхъ, или поручать полиціи? 3) Если давать первоначально хозяевамъ предостереженія, то въ какой формѣ и на какой срокъ (въ Германіи—лишь одинъ разъ и не болѣе мѣсяца) и что затѣмъ дѣлать? 4) Можно ли требовать какихъ-либо формальностей, предполагаемыхъ и необходимыхъ для облегченія контроля, т. е. списковъ, вывѣшанныхъ объявленій о времени работы и чередованіи смѣнъ и т. п.? 5) Какъ поступать относительно рогожныхъ фабрикъ, гдѣ никакой контроль немыслимъ? Какъ поступать относительно работы по высокоторжественнымъ днямъ и воскресеньямъ?“ „На первый разъ пожалуйста разрѣшите категорически“, просилъ я, „эти недоумѣнія, а затѣмъ буду обращаться съ отдѣльными вопросами, смотря по ихъ накопленію“.

Къ сожалѣнію, отвѣтъ Главнаго Инспектора на настоящее мое письмо затерялся и я не знаю, что онъ отвѣчалъ; во всякомъ случаѣ лишь небольшая часть моихъ вопросовъ получила указанія въ появившихся въ концѣ Декабря 1884 года „Правилахъ“ и „Инструкціи“, а многіе изъ нихъ, насколько мнѣ извѣстно, остались неразъясненными и по сіе время въ нашемъ фабричномъ законодательствѣ. Между тѣмъ не проходитъ ни одного моего письма Главному Инспектору безъ напоминанія объ одномъ и томъ же: необходимости едино-временно съ появленіемъ „Правиль“ и „Инструкціи“ и объединенія толкованій закона, что нынѣ предоставлено на усмотрѣніе каждого инспектора и не можетъ не привести къ большому злу въ будущемъ. „Много частныхъ вопросовъ и недоумѣній“, — писалъ я Михайловскому отъ 5 Ноября 1884 года, „возбуждалось какъ на нашихъ сѣздахъ и личныхъ свиданіяхъ съ Вами, такъ и въ письмахъ: почему бы ни сдѣлать ихъ сводку и ни постараться выяснитъ эти недоумѣнія такъ или иначе, пока мы еще свободны отъ другого дѣла? Не найдете ли Вы даже желательнымъ обратиться къ намъ (я разумѣлъ себя и Пескова) по этому вопросу съ официальнымъ запросомъ“.

Я. Т. Михайловскій отнесся отрицательно къ моему предложенію сдѣлать подобный запросъ, да еще официально: очевидно, онъ не хотѣлъ взять на себя отвѣтственность за тѣ или иныя толкованія и въ то же время не могъ добиться толка въ Департаментѣ, гдѣ не имѣлось для того достаточно компетентнаго лица и гдѣ, по правилу, привыкли уклоняться отъ прямыхъ отвѣтовъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду важности предмета, посовѣтовавшись со своимъ товарищемъ Песковымъ, я вновь обратился съ подробно мотивированною просьбой по тому же предмету къ Главному Инспектору. „Какъ Вы справедливо замѣтили“, — писалъ я отъ 29 Ноября того же 1884 года, — „Вамъ, какъ нашему ближайшему главѣ, принадлежитъ исключительно право толковать законъ: это необходимо по существу дѣла для установленія единообразія въ его исполненіи, въ чемъ и состоитъ, напр., преимущество англійскаго инспектората надъ швейцарскимъ. Такимъ образомъ, если я обратился къ Вамъ съ просьбой объ этомъ

запросѣ, то не имѣлъ въ виду, повторяю, ни немедленнаго измѣненія закона, ни желанія посягать на непринадлежащее мнѣ право, а только предложилъ заняться, въ виду свободнаго пока времени, разсмотрѣнiемъ и дать намъ толкованія и объясненія по нѣкоторымъ пунктамъ примѣненія или приведенія закона въ силу. Предложилъ я это сдѣлать въ формѣ „официальной“ потому, что считалъ этотъ путь болѣе твердымъ въ данномъ случаѣ, такъ что мы, инспектора, могли бы опираться на Ваши толкованія, но форма, конечно, дѣло Вашего личнаго усмотрѣнiя. Я ничего новаго своимъ предложенiемъ не сказалъ и необходимость многихъ толкованiй, даже до вступленія закона въ силу, имѣла мѣсто, насколько мнѣ извѣстно, въ исторiи фабричныхъ законовъ многихъ странъ. Дѣло въ томъ, что при нѣкоторой практической опытности исполнителей, законъ, даже самый совершенный, не можетъ не подавать поводовъ къ недоумѣнiямъ еще раньше приступа къ его выполнению. Зачѣмъ въ этомъ случаѣ ждать столкновенія закона съ жизнью и непремѣннаго отсюда зла, когда его можно избѣгать, заблаговременно обдумавши, какъ нужно себя вести при такой коллизii“?

„Приведу нѣсколько примѣровъ“,—продолжалъ я, „подобные которымъ я имѣлъ въ виду въ прошломъ письмѣ“ (выше мною здѣсь изложенномъ) „и собравши которые посредствомъ „запроса“, Вы бы объяснили и дали отвѣтъ для нашего будущаго руководства, и тѣмъ бы мы избѣгли большихъ нареканiй въ случаѣ ошибокъ, или произвольныхъ — нами и нашими помощниками произведенныхъ рѣшенiй:

„1) Мнѣ теперь кажется, и я могу доказать почему, что необходимо истолковать и условиться, что мы должны признавать подъ именемъ фабрики, ремесленнаго или домашняго заведенiя. Истолкованiе это по многимъ причинамъ необходимо до вступленія закона въ дѣйствiе. Определенiе „Устава о фабрикахъ и заводахъ“ въ настоящее время уже никуда не годится и, если мы себѣ не выяснимъ этого различiя, то или будемъ часто попусту пререкаться, или, на практикѣ, отсутствiе точнаго опредѣленiя окажетъ вредное влiянiе на самый успѣхъ примѣненія закона 1-го Юнiя 1882 и послѣдующихъ годовъ. Объясню наглядно: два заве-

денія одного и того же производства, одно—съ 100 рабочими и дѣйствуетъ на правахъ ремесленнаго заведенія и вѣдѣнію нашему не подлежитъ, такъ что дѣти работаютъ хоть 16 часовъ въ сутки, другое—съ 50 человекѣми подлежитъ всѣмъ ограниченіямъ, потому что дѣйствуетъ на правахъ фабрики. Результатъ понятенъ: второе заведеніе немедленно снимаетъ съ вывѣски „фабрика“ и выправляетъ себѣ ремесленное свидѣтельство“... Это уже и сдѣлали съ этого года, какъ я слышалъ, нѣкоторые фабриканты (напр. Шмидтъ) и только сегодня фабрикантъ Трампедахъ (преемникъ Крумбюгель и К^о) сдѣлалъ мнѣ письменное заявленіе, послѣ моей попытки черезъ Козлова заставить его посылать малолѣтнихъ въ школу, что онъ, ради избѣжанія этого, съ 1 Января 1885 года свою фабрику превращаетъ въ ремесленное заведеніе съ соответствующими на то правами... Неправда ли, фактъ говорить за себя“?

„2) Второй примѣръ необходимости Вашихъ толкованій: многіе пункты § 3 „Списка фабрикъ и пр.“ крайне неопредѣленны; напр. п. 5-ый: „Въ заведеніяхъ для обработки щетины и пр.“. Ко всѣмъ ли ремесленнымъ заведеніямъ этого рода п. 5 долженъ относиться, или же исключая отсюда домашнія и кустарныя (очень многочисленныя для этого производства), или, наконецъ, къ однѣмъ фабрикамъ?.. Могутъ быть у трехъ инспекторовъ три разныхъ рѣшенія, смотря по ихъ личному усмотрѣнію... Далѣе: п. 10 того же § 3. Технические названія на ситцевыхъ фабрикахъ весьма различны, даже въ одной Москвѣ, и разныхъ отдѣленіяхъ ихъ—равно указанныхъ, какъ и непредусмотрѣнныхъ, и работающіе часто соединены вмѣстѣ въ одномъ залѣ. Какъ тутъ намъ поступать? Существуютъ въ „зрѣльняхъ“ новыя приспособленія, при чемъ онѣ почти безвредны: неужели и тутъ дѣтей одинаково не допускать, какъ и на фабрикахъ старой конструкции? и т. д., и т. д. лишь по этому § 3“.

„3) Опять: на рогожныхъ фабрикахъ законъ безусловно, безъ радикальнаго измѣненія всѣхъ условій найма и самого производства, выполняться не можетъ. Дальнѣйшій опытъ не покажетъ тутъ ровно ничего новаго, а законъ дискредитируется, если его выполненіе немислимо... Испол-

куйте, что тутъ дѣлать: вѣдь нельзя же будетъ, напримѣръ, на Даниловской ситцевой фабрикѣ привлекать къ отвѣту за несоблюденіе закона о 12-лѣтнихъ возрастомъ, когда на со-сѣднихъ съ ней—рогожныхъ (которыя Вы видѣли) работаютъ 5 и 6-лѣтніе по 16 и, можетъ быть, больше часовъ въ сутки“...

„4) Какъ опять поступать съ Царскими днями, которые нигдѣ у насъ не празднуются, а, по словамъ нашего шефа полиціи ген. Козлова и немисливо требовать ихъ празднованія, что онъ мнѣ настойчиво и совѣтовалъ въ присутствіи фабричной комиссіи и, конечно, исполнѣ доброжелательно. Какъ тутъ себя вести, не объясните ли хотя въ конфиденціальной инструкціи“!..

Это столь подробное письмо мое оканчивалось слѣдующимъ настоятельнымъ по тому же вопросу обращеніемъ къ Я. Т. Михайловскому: „Я бы могъ умножить число такихъ примѣровъ безъ конца и думаю, что разсмотрѣніе ихъ Вами предварительно и истолкованіе нисколько бы не повредило дѣлу, а очень и очень помогло бы, и всѣ подобныя недоумѣнія, относясь прямо къ способамъ примѣненія закона, могутъ въ значительной степени подлежать личной компетенціи Главнаго Инспектора и отнюдь не нуждаются въ дальнѣйшемъ опытѣ. Напротивъ, когда дойдетъ до опыта, будетъ съ ними поздно, ибо это скажется въ различномъ толкованіи различными инспекторами на практикѣ и въ жалобахъ задѣтыхъ промышленниковъ... Вотъ въ чемъ, добрѣйшій Яковъ Тимофеевичъ, заключается мой желательный отъ Васъ запросъ, который привелъ Васъ въ недоумѣніе и вынудилъ къ такимъ подробнымъ объясненіямъ въ послѣднемъ письмѣ. Я счелъ обязаннымъ, когда мнѣ это пришло въ голову, сдѣлать Вамъ упомянутое предложеніе въ интересахъ общихъ и чтобы утилизировать время и уберечь законъ отъ опасностей разнообразія примѣненія и толкованія, вмѣсто желательнаго ихъ единства“!..

Не ограничиваясь частымъ обращеніемъ къ Я. Т. Михайловскому за разъясненіями и толкованіями, я искалъ поддержки также въ Департаментѣ и старался тамъ разбудить дремлющую дѣятельность. Въ это время у меня завя-

залась переписка съ Начальникомъ Отдѣленія А. Г. Небольсинымъ, котораго я и началъ бомбардировать, разумѣется, частными письмами и просьбами по той же злобѣ дня, по фабричному законодательству. Такъ, отъ 9 Декабря 1884 года, благодаря его за присылку разныхъ изданій Министерства, я, между прочимъ, увѣдомляю его о слѣдующемъ: „Фабричная Коммисія приздѣшнемъ Оберъ-Полицеймейстерѣ (о которой упоминалось раньше въ настоящей книгѣ) дѣятельно работала болѣе мѣсяца и, на основаніи, главнымъ образомъ, проекта Правиль т. н. „Саблинской“ Коммисіи, выработала свои для рабочихъ и образцы расчетныхъ книжекъ. Въ настоящее время эти Правила только что переписаны и представлены на утвержденіе Генераль-Губернатору. Къ Новому Году предполагають уже ихъ отпечатать, и тогда я немедленно пришлю Вамъ“. Далѣе, противопоставляя столь успѣшную дѣятельность Московской фабричной Коммисіи своей дѣятельности, какъ инспектора, я уже впадаю, наоборотъ, въ очень минорный тонъ и сообщаю ему неутѣшительныя свѣдѣнія: „Съ фабричными дѣлами, что называется на биржевомъ жаргонѣ— „тихо“ и „вяло“. Я нахожусь въ полномъ уныніи; длинная процедура пересмотра „Правиль для фабрикантовъ“ и „Инструкціи инспекторамъ“ затормозила все дѣло и сильно ему повредила... Осмотры фабрикъ, какъ Вы, вѣроятно, знаете отъ Михайловскаго, пришлось прекратить въ началѣ же: безъ этихъ «Правиль» и предварительной обработки деталей примѣненія закона—инспекція и требованіе выполнения закона—дѣло немислимое... Такъ много еще неопредѣленнаго и такъ много невыполнимаго въ уже вышедшихъ постановленіяхъ, что на первыхъ же порахъ пришлось упереться лбомъ въ стѣну... Возьмите, напр., во вниманіе полное отсутствіе опредѣленнаго закона относительно того, что такое фабрика, ремесленное заведеніе и, наконецъ, должны ли мы касаться кустарниковъ?! Какъ въ „Правилахъ“, такъ и въ „Спискѣ вредныхъ производствъ“ много противорѣчій (внутреннихъ, а потому, при бѣгломъ чтеніи, малозамѣтныхъ), а еще болѣе того недомолвокъ и неясностей. Я пробовалъ нѣсколько разъ обращаться къ Я. Т. Михайловскому, но онъ, повидимому, категорическихъ отвѣтовъ избѣгаетъ»??..

Приближалось Рождество 1884 года. Какъ я узналъ частнымъ образомъ, 19 Декабря, наконецъ, „Правила“ и „Инструкция“ были утверждены Министромъ, но много времени прошло до ихъ публикаціи, когда, наконецъ, инспекціи были развязаны руки, чтобы, наконецъ, дѣйствовать и покинуть свое вынужденное *far niente*... Недѣля за недѣлей проходила, а относительно обнародованія „Правилъ“ и „Инструкціи“ ничего не было слышно. Канцелярская волокита тянула дѣло, повидимому, уже давно оконченное. Уныніе въ дѣлѣ фабричной инспекціи усилилось въ то время общимъ печальнымъ политическимъ положеніемъ и выходомъ въ свѣтъ крайне непопулярнаго Университетскаго Устава (1884 г.), повлекшаго за собой коренное измѣненіе всѣхъ старыхъ устоевъ академической жизни *). Почти два мѣсяца прошло, и только лишь 26 Февраля 1885 года, наконецъ, были опубликованы столь желанныя и нужныя „Правила для фабрикантовъ“ и „Инструкция для инспекторовъ“, и мы могли начать свою дѣятельность.

1-го Января 1885 года, поздравляя Я. Т. Михайловскаго съ Новымъ Годомъ, я не могъ удержаться оиять отъ иронии-

*) Вотъ какъ разъ что я писалъ тогда объ университетскихъ дѣлахъ Я. Т. Михайловскому (отъ 9 Ноября 1884 года):

«Со времени опубликованія новаго Университетскаго Устава, въ профессорскихъ кружкахъ полное уныніе и толки, до сихъ поръ не прекращающіеся, объ отставкахъ вольныхъ и невольныхъ. Наслушался я этихъ толковъ достаточно еще въ Кіевѣ, на юбилей тамошняго Университета, а здѣсь, въ Москвѣ, она еще сильнѣе. Отставка Муромцева, Мишенки, Сыцино прибавила масла въ огонь... Въ «Русскомъ Курьерѣ» около двухъ недѣль назадъ появилось въ числѣ слуховъ изъ С.-Петербурга объ отставкѣ 5 человекъ московскихъ профессоровъ, въ томъ числѣ стоитъ имя и Вашего покорнаго слуги. Мы попробовали опровергнуть этотъ слухъ, какъ вздорную выдумку, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»; но «Русскій Курьеръ» и не вздумалъ отказаться, а лишь сугубо повторилъ слухъ. Съ недѣлю назадъ дошло до Москвы положительное извѣстіе о принудительномъ выходѣ В. И. Семевского въ Петербургскомъ Университетѣ изъ приватъ-доцентовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаютъ, что еще намѣчено 16 профессоровъ изъ разныхъ университетовъ... Наконецъ, третьяго дня всего «Московскія Вѣдомости», говоря о студенческихъ безпорядкахъ въ Кіевѣ и Москвѣ, совѣтуютъ не ограничиваться «очищеніемъ» между студентами, а произвести его, т. е. «очищеніе», и между профессорами!.. Можете себѣ представить, какъ все это должно дѣйствовать на состояніе духа каждаго, принадлежащаго къ университетской корпораціи, хотя бы даже онъ былъ невиненъ, какъ младенецъ, но имѣлъ лишь несчастье преподавать государственныя науки... Минительность и подозрительность на каждомъ шагу: все кажется намекомъ или придишкой»...

И

ческих жалобъ на старое зло медленности: „Въ настоящемъ“, писалъ я, — „моемъ, первомъ въ текущемъ году, письмѣ спѣшу принести Вамъ мои поздравленія и пожеланія лучшаго будущаго для дѣла фабричной инспекціи. Да, много сдѣлано прошлый годъ по нашему общему дѣлу, но еще болѣе остается сдѣлать... Непонятная для меня канцелярская медленность и волокита, не смотря на всѣ Ваши усилія, принесла новому дѣлу крупный вредъ, который, вѣтъ сомнѣнія, нелегко будетъ исправить!... Многіе уже съ замѣтнымъ скептицизмомъ напоминаютъ старыя увѣренія фабрикантовъ, что изъ закона 1 Іюня 1882 года проку не выйдетъ... Нелегко опровергать эти сомнѣнія, и еще труднѣе указывать на положительныя результаты. Наша публика вообще легкомысленна и забываетъ, что большія реформы требуютъ и большаго времени. Но медленность первыхъ шаговъ дѣйствительно много портитъ дѣло и дискредитируетъ новое учрежденіе“...

Съ каждымъ днемъ времени мое нетерпѣніе и жажда дѣятельности, повидимому, возрастали; мнѣ было хорошо, конечно, извѣстно, что желанныя „Правила“ и „Инструкція“ давно утверждены, и я не понималъ и негодовалъ, почему же ихъ такъ долго не публикуютъ, и старался всячески дѣйствовать на Михайловскаго, чтобы заразить и его своимъ нетерпѣніемъ. „Со дня на день все ждалъ я“, — писалъ отъ 22 Января 1885 г., — „появленія въ газетахъ публикацій „Инструкціи“ и „Правилъ“, чтобы приняться за дѣятельныя осмотры ял, точнѣе, посѣщеніе фабрикъ. Я, разумѣется, увѣренъ, что Департаментъ поспѣшитъ эти „Правила“ немедленно разослать и фабрикантамъ, чтобы намъ не толковать все. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще ничего нѣтъ; иначе, я убѣжденъ, Вы бы мнѣ, конечно, прислали хоть одинъ экземпляръ „Сенатскихъ Вѣдомостей“ и „Сборника“ Хрулева. Всѣ мои занятія, поэтому, относительно фабрикъ, къ сожалѣнію, ограничиваются лишь толками на тему „завтра, завтра, не сегодня“... Фабриканты (здѣшніе) пристають, особенно относительно порядка веденія списковъ малолѣтнихъ и способа контроля за посѣщеніемъ школъ; что знаю изъ присланной литографіи (очевидно, циркуляра Главнаго Инспектора) я, конечно, имъ немедленно сообщаю, но все условно и

условно»... «Какъ Вы уже, разумѣется, знаете изъ газетъ, наша (т. е. при Оберъ-Полицеймейстерѣ Козловѣ) Коммиссія выработала правила для расчетныхъ книжекъ рабочихъ, и Кн. Долгоруковъ не только ихъ принялъ и утвердилъ, но на-дняхъ даже распространилъ на всю Московскую губернію. Многіе пункты дѣликомъ вошли туда, благодаря моему Отчету, и настояніямъ (напр., о ростовщичествѣ артельныхъ старостъ, о назначеніи особо времени для работы малолѣтнихъ, о высококортжественныхъ дняхъ и пр.). Правда ли, что „Новое Время“ сообщаетъ, что у Васъ въ С.-Петербургѣ эти правила нашли слишкомъ радикальными.(?!!) На-дняхъ „Коммиссія“ вновь возобновляетъ занятія — будемъ выработывать „Правила внутреннего распорядка“ и, между прочимъ, попытаемся ограничить извѣстными рамками произволъ штрафовъ. Таково желаніе и Князя и Козлова... Кстати, Долгоруковъ—вчера мнѣ передалъ его Правитель Канцеляріи—собирается мнѣ написать письмо, въ которомъ желаетъ пригласить меня случаи злоупотребленія хозяевъ или нарушеній правилъ, замѣченные мною при посѣщеніи фабрикъ въ качествѣ инспектора надъ занятіями малолѣтнихъ, *немедленно* прямо, или черезъ него, *доводить до свѣдѣнія высшей полиціи*. Какъ Вы думаете, вѣдь это можетъ быть очень полезнымъ орудіемъ, которымъ, впрочемъ, отчасти я пользовался и раньше, чтобы заставить фабрикантовъ исполнять наши законы о малолѣтнихъ, поднимая силу и значеніе инспекторовъ въ ихъ глазахъ“?...

М